

СИГНАЛЬНИЙ

СМЕНА

5

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МАРИЯ РАССАДИНА

ВЕРХОЛАЗ-ЭЛЕКТРОСВАРЩИК

По вечерам в низком зимнем небе Москвы в разных концах вспыхивают фиолетово-голубые огни. Это сыплются искры электросварки на каркасах высотных зданий. Всё больше становится таких фейерверков, с каждым днём всё выше они уходят в небо.

С электросварочным аппаратом метр за метром поднималась Мария Рассадина по железным конструкциям гигантского дома на Смоленской площади, от первого до двадцать шестого этажа. Теперь она работает на высотной стройке на площади Восстания.

Широкий тёплый комбинезон, шлем, толстые перчатки делают Марию похожей на лётчицу. Под круто изогнутыми бровями спокойно светятся смелые, властные глаза.

Мария Рассадина прошла большой путь к своей трудной, увлекательной профессии.

С детства она мечтала о Москве. Особенно близка стала ей столица во время войны, когда с упорством и отвагой отстаивали советские люди

сердце нашей страны от врагов. В этой борьбе пал её отец.

Мария хотелось совершить что-то необыкновенное, героическое. Поступив в школу ФЗО строителей, она выбрала себе одну из самых ответственных и трудных специальностей — электросварщика. Школу она закончила на «хорошо» и «отлично» и была направлена на работу в Московское монтажное управление.

Работа электросварщика требует смелости и усиленного внимания. Чуть спустишь инструмент ниже двух миллиметров, — прекращается контакт, поднимешь выше, — снижается качество сварки. Мария взяла обязательство выполнять норму на 160 процентов. И она сдерживает своё слово.

Часто смотрит Мария с высоты на Москву, на возникающие то здесь, то там огни новостроек, и светлая улыбка озаряет её лицо. Вот здесь будет удобная, красивая квартира, в ней зажжётся счастливая трудовая советская семья, будут играть дети, цвести цветы. Как хорошо!.. И ещё дороже становится ей труд её.

Мария не только хорошо работает сама, но передаёт свой опыт и знания более молодым электросварщикам-верхолазам. Она неустанно учится. Она изучила весь сложный комплекс современной высотной стройки. Отличная работа её неоднократно отмечалась премиями и почётными грамотами министерства.

Мария получила комнату, завела хорошую обстановку, покупает книги. Она любит хорошо одеться, часто бывает в кино, в театрах. В последнее время она слушала «Князя Игоря», «Бориса Годунова», «Ивана Суварина» в Большом театре, смотрела пьесу И. Попова «Семья» в Театре имени Ленинского комсомола.

Марии выпало великое счастье — строить новую Москву, Москву широчайших магистралей, света и воздуха, парков и дворцов — ту Москву, которая по сталинскому плану станет не только самым удобным и богатым, но и самым красивым из всех городов мира!

...Вечером. Но на строительной площадке всё ещё жарит оживление. Растут штабеля строительных материалов, беспрерывно приходят и уходят вереницы грузовых машин, величаво передвигаются краны, шумят лебёдки. Слышны отрывистые слова команд, передаваемые через радиорупор. Маруся выходит на смену. Она поднимается на каркас и через минуту исчезает в сложном лабиринте стальных переплетений. Вот она закрепила за балку цепь своего широкого тугого пояса, всматривается вниз, приветливо машет рукой и опускает козырёк. Вспыхивает ослепительная фиолетово-голубая точка, разноцветные огоньки медленнее летят вниз.

Н. ЖОВЛЕВ

Депутат Верховного Совета РСФСР
Людия Корабельникова.
Фото Г. Борисова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Март. № 5. 1951 год

Год
издания
28-й

Лидия Корабельникова передаёт молодёжи опыт своей работы.

ПОД КРАСНЫМ ВЫМШЕЛОМ

Лариса ФЕДОРОВА

В этот день, как всегда, по конвейеру медленно двигались детские ботинки. Лучи мартовского, уже тёплого солнца падали на разноцветный шпёр, золотым пряди волос девушки и юншей, занятых работой. Они стояли вдоль всего конвейера — от стены до стены, — затяжки молодой бригады московской обувной фабрики «Парижская Коммуна».

Когда раздался гудок, на конвейерной ленте не осталось ни одной пары ботинок. 700 пар коричневых, чёрных, синих и светлых кремовых — будущих обновок первоклассников — уже лежали в товарном отделении фабрики. 700 пар при норме 680 — это была ежедневная выработка бригады Лидии Корабельниковой.

Но в этот день никто не спешил домой. Спрятав в свои стоны сэкономленные за день материалы, все рабочие бригады поспешали в крытый угол.

Лидия стояла у стола, держа в руках тетрадку с ежедневными показателями работы бригады. Она тихо постукала о графин карандашом.

— Что же это такое, — протворила Лидия Корабельникова. — Наша бригада никогда не была плохой. Мы к этому привыкли, как привыкают ко всему хорошему. А вот коллектива у нас всё-таки нет. Каждый думает только о себе: «Я сэкономила столько-то, а если другой меньше, то это меня не касается». Это привело к тому, что сегодня один наш товарищ не выполнил своего плана экономии.

Комсорг цеха Женя Дудорова поспешно оглянулась, наша галлами неударницу и укоризненно покачала головой. Девчата зашептались.

— Все двадцать семь человек нашей бригады, — продолжала Лидия, — окончили стачковскую школу. Все мы знаем правила экономии, но один экономит больше, другой — меньше. Один забывает гвоздь, как следует, а другой срывает на нём своё плохое настроение. Потуга гвоздь — выбросила, потуга другой — и другой туда же. Иди, скажем, экономия неток. Женя Дудорова, например, простроич подшову и нитку под самый корешок обрежет, а другой алкач полметра лишку отмахнёт...

Бригада заволаговалась. Валя Судыкина — маленькая, провинная — пыталась что-то подсказать Лиде, но она, не давая перебить себя, сказала, что с сегодняшнего дня предлагает экономить по-другому, комплексно, что отныне каждый отвечает за другого, потому что если Валя Степановна сэкономит за месяц несколько килограммов гвоздей, а кто-то не сэкономит клеа, то лишнюю пару ботинок не сдадутся. Весь сэкономленный материал пусть сдаёт брига-

диру, а в последний день месяца вся бригада будет работать на этих сэкономленных материалах, совершенно не обращая к клеадовой. Пускай каждый скажет: возможно это или нет?..

Лидия кончила. Какая-то минута тишины — и вдруг все зашумело.

— Принимаем!

— Правильно, Лидия!

— Иници в протокол, чего там!

Это было год назад.

...

У доброй саввы широкие крылья. Савва о молодёжной бригаде Лидии Корабельниковой — бригаде отличного качества и комплексной экономии — вскоре облетела всю страну. Уже через месяц после взятого обязательства эта бригада ежедневно выпускала 725 пар отличной обуви. Наконец пришёл и знаменитый день — «день без снабжения». Этого дня с нетерпением ожидал весь коллектив фабрики. С утра в цех детской обуви заглядывали мастера-закройщики женской модельной обуви, приходили рабочие из других цехов. Они внимательно наблюдали за работой бригады затяжечников.

Над рабочим местом бригады Корабельниковой реял праздничный красный вымшел. Все знали: сегодня бригада Лидии не получала ни одной бобыны ниток, ни одного грамма клеа, ни одной горстки гвоздей.

В этот день кладовщиком была сама Лидия Корабельникова. Из красного уголка она принесла весь запас сэкономленных материалов. Один за другим к бригадиру подходили рабочие, и каждый из них получал то, чем следовало ему оперировать в течение дня. После этого все заняли свои рабочие посты, и по ребристой ленте конвейера поплыли первые пары ботинок.

В том месте, где конвейер можно разрезать пополам, за шинцеванием стояла Лидия. Как всегда, она была в тёмном халатике, из-под которого виднелся край нарядного платья. Девушка работала размеренными, плавными движениями: в них не было ни торопливости, ни медлительности. Казалось, что она еле прикасается к ботинку. Шинцевальник послушно выполнял её волю: брал ботинок, сжимал, отдавал обратно.

Там, где конвейерная лента поворачивала обратно, на подставках стояли уже почти готовые ботинки. Их принимала другая, удалённая бригада.

Лидия, которая наблюдала за работой бригады Корабельниковой,

подходим к отделочникам и о чём-то допытывались таинственным шепотом.

— Отлично работают, — нарочито громко отвечали отделочники. — Экономика качеству не вредит. Если один пако сделал, другой к себе бракованную пару ни за что не примет. Самоконтроль...

И каждый, кто в тот день побывал в цехе детской обуви, унесил с собой какое-то праздничное чувство гордости и за себя и за своих товарищей.

На общезаводском собрании Лиде Корабельниковой, рассказавшей о своём опыте, вопросы почти не задавали. Конечно и просто она говорила о том, что экономика возможна на любом участке труда, что нельзя пренебрежительно относиться ни к какой мелочи, потому что за этими мелочами стоят сотни дополнительных изделий и миллионы рублей экономики.

Всё же на трибуну взошёл Женья Дудорова. Как комсорг цеха она сказала, что примеру Лиды Корабельниковой и за чужой детской обуви уже последовали восемнадцать молодёжных бригад.

— А теперь дело за вами, — обращаясь к собравшимся, закончил свою речь Женья и, сойдя с трибуны, села рядом с Лидой.

Так, по примеру комсомольцев фабрика «Парижская Коммуна» стала первым в стране очагом патристического движения за комплексную экономику материалов на любом участке социалистического труда.

Каждый день в обеденный перерыв Лиды Корабельниковой заходит в комитет комсомола, чтобы взять объективную пачку писем. Читая эти письма в красивый уютлок собирается вся бригада.

— Из Остони. Из Латвии. Из Литвы. Из Польши. Из Чехословакии, — громко оглашает Женья Дудорова, скрывая тот или иной конверт.

Друзья и последователи Лиды Корабельниковой и её бригады живут в самых различных уголках Советского Союза и даже за его пределами. Молодым рабочим её бригады пишут комсомольцы потапичных частей, общими силами охраняя их мирный труд. Пишут стахановцы из Днепропетровска и Ленинграда. Пишет пожелой сталева из немецкого города Руденберга. Может быть, впервые в своей жизни он варит мирную сталь и, желая, чтобы её было как можно больше, просит советскую девушку открыть ему свой секрет экономики.

Корабельникова отвечает на каждое письмо. Для этой цели в бригаде существует нечто вроде «редколлегии»: ответы пишут и Женья Дудорова, и Валя Судьина, и Валя Степечева. От имени своего прославленного бригадира они принимают вызовы на социалистическое соревнование, пишут о новых достижениях бригады и подтверждают полную свою готовность поделиться с другими опытом по экономии материалов. А рассказать им есть о чём: за прошлый год бригада Корабельниковой сэкономила материалов на 13 тысяч пар детских ботинок.

Недавно в адрес бригады пришла посылка. В ней лежало 27 копеечек и альбом-адрес с социалистическим обязательством и фотографией молодой бригады с Талинской обувной фабрики. Молодёжь эстонской столицы давно дружит с москвичами.

Переписку с друзьями ведёт и Таня Быкова, ученица Лиды. С тех пор как Корабельникову избрали депутатом Моссовета и членом Советского комитета защиты мира, ей часто приходится отлучаться с фабрики. В таких случаях бригаду возглавляет Валя Степечева. Но штурвальное колесо шпинцевпарата всё же пустоало. Тогда Таня Быкова, стоящая на окошке рантов, попросила Лиду Корабельникову научить её искусству затягивать нитки и пятки. Теперь Таня Быкова владеет двумя профессиями. Когда Лиды уезжает в какой-либо город, чтобы поделиться своим опытом с другими обувщиками, к шпинцевпарату становится Таня Быкова.

Минувшим летом такие поездки случались особенно часто. Лиды Корабельникову приглашали в Германию на съезд демократической молодёжи, потом она поехала в Варшаву на Второй Всемирный конгресс сторонников мира, оттуда — в Чехословакию. Рабочие обувных фабрик демократических республик хотели, чтобы стахановцы-молочники, о работе которой они столько слышали, непосредственным показом у конвейера раскрыли им принципы комплексной экономики. Стахановцы Литвы и Латвии также пожелали познакомиться с ней. Поездка затянулась надолго. Но Лиды была спокойна: она знала, что честь бригады её подруги не уронят.

Теперь на фабрике «Парижская Коммуна» уже 70 бригад комплексной экономики и 56 бригад отлаженного качества. А слава бригады Лиды Корабельниковой растёт и растёт. Можно без преувеличения сказать, что нет в Советском Союзе ни одной газеты, которая не рассказывала бы своим читателям о славных комсомольцах с московской фабрики «Парижская Коммуна». Бригада Корабельниковой превратилась в штаб, куда со всех концов страны поступают рапорты о новых и новых успехах в борьбе за комплексную экономику. Комсомольцы многих предприятий сообщают, что, следуя примеру Корабельниковой, они уже тоже по два дня в месяц работают на экономических материалах.

Не остаётся в долгу и бригада Корабельниковой. Ко дню выборов в Верховный Совет РСФСР бригада взяла обязательство дать сверх плана 1 600 пар детской обуви. Это обязательство выполнено с честью.

Советский народ по заслугам оценил благородные дела славного новатора производства. Двадцатилетняя комсомолка Лиды Корабельниковой избрана депутатом Верховного Совета Российской Федерации.

Фото Е. Халдея

КРЕМЛЬ

Пренебрегая расстоянием,
По всей стране,
По всей земле
Идут легенды и сказания
О светлом сталинском Кремле.

В дубах северных равнин
И там, где жёлтые поля,
Хранят плакаты и картины
С изображением Кремля.

Бойцам Кореи и Вьетнама
Среди тревожной темноты
Нередко снится этот замок,
Где волеваются мечты!

...А нам с тобой
Досталось с детства,
Гордая завидною судьбой,
Жить и работать по соседству
С его рубиновой зарей.

Я часто возвращаюсь поздно
И, через площадь прохода,
Смотрю с упоением на звёзды,
На светлое окно Вождя.

Игорь КОБЗЕВ

Мать

Рассказ

— Дмитрий Иванович, на вас лица нет, успокойтесь. Старичок всмотрелся в его костюм, поправил складки на талии и, описав круг, остановился.

Перед ним вместо тридцатилетнего мужчины стоял юноша. — Дорогой Кузьмич, скажите по совести, я ещё не чувствовал такой ответственности. Кажется, сегодня я буду играть только для неё.

Спрятав принадлежности грима в ящик, он добавил:

— Хочу хоть краешком глаза взглянуть на неё. И артист чужой для себя походил подошёл к тяжёлому бархатному занавесу. Узнает ли он Кошневую? Его взор привлекала группа молодёжи. «Вероятно, среди них», — мелькнула мысль.

— Она, она! — увидев Елену Кошневую, вскрикнул Дмитрий Иванович. — Я узнал её сразу. Ну, конечно, только она и может быть такой... Неизгладимая скорбь на её лице... А впрочем, это мне, наверное, кажется... Смотри, Кузьмич! Смотри, какие у неё чудесные руки...

Артист говорил сбивчиво, бессвязно, волнение заметно мешало ему.

— Занавес открывается, Дмитрий Иванович, — предупредила Кузьмич. — Вас просят подготовиться к выходу.

Свет в зале погас, и артист отступил в глубь сцены. Пружина на носках, он побеска к своему выходу.

Выпрямившись, сидела в кресле Елена Кошневая. Страстное желание увидеть образ сына выросло настолько, что она уже ничего не слышала, никого не видела. Однако зачем она обманывала себя: возможно ли, чтобы кто-нибудь мог напомнить ей Олега? Елена Кошневая не чувствовала торжественного молчания зала, не замечала даже, что две подруги на сцене вспоминали о счастливых и беспечных днях своей жизни.

— «Но как хорошо мы жила, Уля», — прислонившись к коленям неразлучной своей подруги, говорила Валя.

— «И как хорошо могли бы жить люди на свете, если бы только захотели, если бы только могли бы только понять...»

Кошневую вдруг поразила певучий, до боли знакомый голос девушки, к которой с такой симпатией относился Олег, и если бы суждено было прожить им ещё долго...

Вот и другие девушки. Они обдают друг друга водой, резвятся. Уля прекрасна со своей белой лилией, но как грустна она!

Взрыв смеха прерывает всё вокруг. Неотзывчивый смех застывает у девушек на устах, и они разбегаются к кула.

Вздрогнула Елена Кошневая, почувствовала, как воздвигла весь зал. Сцена потонула во тьму... Да, точно так однажды всё погасло, когда немцы оккупировали Краснояр.

Громкие аплодисменты, раздавшиеся неожиданно, неприятно удивили Елену Кошневую. Разве сейчас до аплодисментов? Вот вспыхивает прожектор, озаряет то цепь холмов, то толпу на авансцене. В центре толпы юноша в белом, с дорожным ранцем за плечами.

Глаза матери подёрнулись дымкой. Она подалась вперёд, чтобы ясное видеть. Думала, что это ей мерещится, что это какой-то сон. Она сдвинула рукою гуль.

Поняла сидевший рядом юноша, что может испытывать в эту минуту мать...

Пока Елена Кошневая овладела собой, Олег покинул сцену. Он говорил со своими товарищами, но в чём — этого мать не помнила. Она оглядела сидевших рядом зрителей таким взглядом, будто спрашивала, действительно ли он был похож на её сына.

...

Сцена изображает квартиру Кошневых, где собирались близкие друзья Олега. Сегодня все молодоговядейм кажутся такими решительными, подлинными. Они совещаются, они озабочены судьбой многих; злое наместо коммунистический удар по врагу и сохранить связь с секретарём Общественного комитета Иваном Фёдоровичем Проценко... И организатор этих комсомольцев — её Олег. А много ли прошло времени с тех пор, когда Олег прибегал домой со слезами на глазах, с заплаканными коленями и в объятиях матери забывал про боль? А теперь... Словно через несколько дней после этого так резко изменился Олег! Теперь он думает о том, как излечить раны многих тысяч людей.

— Действительно я увижу его? — И даже полыхнет...

Задав вопрос, женщина лет сорока протёрла платком зашатавшееся стекло и стала смотреть на город. Автомобиль мчался по улицам Москвы. Была зима. Перед женщиной открывался целый мир воспоминаний. Да, и тогда стояла зима, был жестокий мороз. Она прильнула щекой к холодному стеклу, силась освободиться от наплывавших воспоминаний.

— Вы говорите, он похож на моего сына? — обратилась женщина к ехавшим с нею юношам.

— Да, очень похож...

Ей начинало казаться, что машина движется слишком медленно, и она снова нервно провела платком по стеклу.

Машина остановилась. Юноши помогли женщине сойти.

Несмотря на стужу, перед театром толпилось много людей.

— Любопытно, кто эта женщина? — поспышался чей-то шепот.

— Елена Кошневая, я её сразу узнал по портрету.

— Я так и предполагала, что её не могут не пригласить на премьеру «Молодой гвардии».

До того как войти в зал, Елена Кошневая словно не отдавала себе отчёта: для чего собралась в театр? Сегодня на сцене она увидит своего сына Олега. Ведь об этом она мечтала со дня получения письма о поступлении. Зрители с нетерпением ожидали начала спектакля. Напряжённое ожидание царило и за кулисами.

— Дмитрий Иванович, пришла! — высунув голову из гримировочной, бросил старичок в очках.

— Кошневая? — воскликнула, порывисто вскочив, артист, играющий Олега. — Где она сидит?

ФА 51

первая

Рисунок В. Лебедева

Знакомую тревогу переживает Елена Кошечкина: ведь немцы могут задержать этих неопытных, этих горячих ребят.

— Будь осторожен, сын! — повторила мать на сцене.

Никогда ещё не случалось, чтобы артист, исполнявший сейчас роль Олега, настолько забыл себя; особенно сцены, связанные с матерью, он провёл потрясающе искренне. Он разговаривал со своей матерью так, словно перед ним была не актриса, а сама Елена Кошечкина.

— «Как хорошо человеку, если у него есть мать. Как я люблю твои руки, и сколько добрых дел они сделали», — говорил артист, не видя грима актрисы. Он отчётливо видел перед собой женщину, которая, сидя в зале, то и дело утирала слёзы...

— «Сын мой, как много перемен произошло в твоей жизни, а ведь ты ещё только мальчишка. Понимаю, что эти собрания не простые дружеские встречи. Не страшись, будь сильным до последнего вздоха».

Наступило мгновение, когда взоры Олега и Елены Кошечкиной встретились. Исчезли все условности сцены, — в это мгновение они нашли друг друга так, как нашли бы друг друга мать и сын. Артист чувствовал, что время истекает, что пора ему оставить сцену, но этот восторг сковывал его, и он не находил в себе сил сделать какое-нибудь движение, хоть и сознавал, что все ждут его... Шатаясь, он вошёл в гримировочную, закрыл за собой дверь и прикоснулся к стене.

— Я нашёл, нашёл их, моего Олега, мою мать!

Артист не заметил задержавшегося в гримировочной Кузьмича, который со страхом смотрел на него через очки.

— Что с вами случилось, Дмитрий Иванович? — пролетела старичок.

Не ответив на вопрос, артист быстро подошёл к нему и обнял. Ничего не соображая, тот растерянно смотрел в расширенные и заплаканные глаза артиста.

Аплодисменты вернули Елену Кошечкину к действительности. Она торопливо вышла.

Молодёжь снова окружила её. У всех на лицах был написан один и тот же вопрос: есть ли сходство между актёром, исполняющим роль Олега, и её сыном? Ведь только мать способна это установить безошибочно. Однако, заметив её растерянность и извонанность, они не отваживались задать ей свой вопрос. Нет, уж лучше после спектакля...

А Елена Кошечкина, глядя на кношей, словно допытывалась: разве и вы заметили, что он похож на моего сына?

— Вам понравился артист, игравший Кошечкина? — посыпалась чей-то голос.

Она повернулась и удивлённо посмотрела на незнакомца.

— Понравился ли? — сама не зная почему, повторяла она вопрос и словно для того, чтобы успокоить себя, добавила: — Я только ждала бы, чтобы подальше видеть его...

...

Чем больше углублялась Кошечкина в спектакль, тем чётче становилось первое её впечатление: Олег на сцене и похож на её сына и не похож. На сцене он был более зрелым, но, может быть, и в жизни он был таким, и только в памяти матери ещё оставался подростком...

Но как бы там ни было, Елена Кошечкина не находила ответа на свой вопрос, и пока она искала его, события, развернувшиеся на сцене, вновь поглотили её.

— Над молодёжью нависла опасность. Они вынуждены рассеяться. Мать провожает сына. Но почему они разлучаются так легко, почему мать выпускает его из своих объятий, если это их последнее прощание, самое последнее?..

— «Если случится что-нибудь и если они скажут, что я, или бабушка, или кто другой из тво-

их родных сказали им что-либо, — не верь и молчи. Мы клянёмся тебе, самшину?»

Она не помнила, так ли она проводила сына или нет, но не это её занимало. Она была уверена, что так проводила бы сына и сейчас, если бы он, её сын, был жив...

Елена Кошечкина снова захвачена спектаклем. Ах, ещё бы раз увидеть Олега, ещё бы раз! Хоть бы на сцене...

Вот и он, Олег. Истерзан, измучен, но как он всё же красив, как силен!

— «Я не виноват, что моя жизнь оказалась такой короткой... но я счастлив, что не страшился я врагов, а боролся против них! Моя мать нарекла меня орабиком... Я не обману её веры и доверия моих друзей! Пусть путь мой будет настолько же чистым, насколько чиста моя жизнь...»

Елена Кошечкина пришла в себя лишь тогда, когда почувствовала, что её поднимают с кресла. Зрители стоя аплодировали.

На сцене появились все молодёжь. Среди них она тотчас нашла Олега. Небывшая огромная радость наполнила её сердце...

В ночной Москве шёл мирный снег. По широким улицам медленно двигался автомобиль. Елена Кошечкина, окружённая молодёжью, была так хорошо, так покойно, будто она возвращалась домой после свидания с сыном.

Перевёл с армянского
В. БАЛАСЯН

Депутат Верховного Совета РСФСР Мария Рожнёва с молодёжью.

ИЗБРАННИЦА НАРОДА

Работница одного из отделений Московского почтамта, разбирая письма, прочла на конверте: «Москва, Красная площадь, Мария Рожнёва». Она улыбнулась и приписала: «Станция Кулава, Ногинского района, знатной прядильщицы, лауреату Сталинской премии». Известность Марии Рожнёвой вышла далеко за пределы Кулавинской фабрики. Её портреты не раз появлялись на страницах журналов. О ней писали газеты. На её имя приходила масса телеграмм и писем. Письма от инженеров, текстильщиков, военнослужащих, школьников, письма из столицы, из областей, из братских республик, из стран народной демократии. Один подражал ей с присвоением её звания лауреата Сталинской премии, другие просили поделиться опытом, третьи хотели знать биографию замечательной девушки, многие школьники писали, что решили последовать её примеру и тоже стать прядильщицами.

Мария Рожнёва родилась в селе Сылье в 1929 году. В школе её называли Марусь-маленькая, так как ростом она была самая маленькая из всех школьниц Марусь. Когда она окончила семилетку, мать уговаривала её поступить в медицинскую техникуку. Но Марусь любила красивые ткани, и ей хотелось самой делать их. Она пошла в районный Совет, где в это время был представитель фабрично-заводской школы Кулавинской фабрики. Он предложил ей ехать учиться в Кулаву.

— Росточком я не вышла, гоюусь ли? — робко спросила она.
— Там таких невелеких много, не ты одна, — смеясь, отвечали ей. Марусь уехала из родного дома.

Кулавинская фабрика встретила прибывших из разных городов и сёл девушек заботливо и любовно. Мария сразу почувствовала себя здесь легко и просто, как дома. Весёлая, живая, она быстро подружилась с девушками. Старые работницы полюбили её за старательность и любовь к работе. Им радостно было глядеть на молодую смеющуюся, бойкую, хорошо грамотную девушку, смотреть, как они со смехом толкались перед зеркалом, примеряя ученическую форму, как быстро создали уют в отведённом им общежитии.

Старая текстильщица-инструктор вспоминала свою молодость и, вспоминая, рассказывала о тяжёлой жизни при фабричных. Никому тогда не было дела до девушек, толпившихся у фабричных ворот в надежде получить работу. А теперь вся фабрика будто только и занята новой смеей. Старые работницы делятся с новоприбывшими своим опытом,

секретарь партийного комитета рассказывает их о жизни, об их интересах, директор спрашивает, всё ли сделано, как надо. Девушек одевают, кормят, улают, заботятся об их здоровье и досуге. Чем же не родная семья!

Мария всем сердцем хотела отблагодарить людей за их любовь и внимание. Она прилежно училась и через шесть месяцев выдержала экзамен на прядильщицу.

Первое время трудно ей было тягаться со старыми, опытными работницами. Но девушка была трудолюбивой и сообразительной. Она внимательно изучала каждое движение своих соседок, живо интересовалась всяким мелочью. Борьба со своей застенчивостью, она расширялась, как удобнее вставлять катушку, как быстрее присучить нитку. Старшие работницы охотно помогали ей.

Через два месяца Мария Рожнёва стала уже перемывать нитку. Это была большая радость для неё и для тех, кто помогал ей.

А ещё через некоторое время Мария назначена бригадиром. Молодой бригадир начала с того, что стала присматриваться к лучшим бригадам цеха. Скоро она сделала вывод: лучшая бригада та, где хорошо знают машину. И вся бригада стала учиться на курсах текстишманы. Руководители занятий однажды упомянули о том, что до войны были опыты снятия катушек на коху, но никаких результатов они не дали. Мария ухватилась за эту мысль и, разработав её с помощью рационализаторов, провела в жизнь.

Постепенно, из месяца в месяц, росла выработка комсомольско-молодёжной бригады Марии Рожнёвой, и в конце концов бригада вышла в соревновании на первое место.

Прошло два года. Портрет Марии Рожнёвой висел на доске почёта. Она была членом фабричного комитета ВЛКСМ, руководила массово-производственной работой среди молодёжи. Она подавала заявление о приёме в партию.

День, когда партийное собрание обсуждало заявление Марии Рожнёвой и приняло её кандидатом в члены партии, был самым знаменательным днём в её жизни.

— Я почувствовала, что жизнь моя стала ещё полнее, ещё богаче, — говорит об этом дне Мария Рожнёва.

В январе 1949 года на Кулавинской фабрике по почину помощника мастера Красокосовского камвольного комбината Александра Чутких началось соревнование на звание бригады отличного качества. Бригада Марии Рожнёвой снова вышла на первое место. Вся её пражка была принята первым сортом, без брака.

Но Мария не успокаивается на достигнутом. Она занимается в партшколе, изучает труды Ленина, Сталина. Прочитав статью Ленина «Великий почин», где говорится о необходимости отбросить пуда хлеба, железа, угля, Мария Рожнёва задумывается над словом «каждый».

— А вот мы не заботимся о каждом грамме сырья, — говорит она подругам, делая, по своему обыкновению, вывод из прочитанного. — Сколько дорогостоящей шерсти пропадает у нас в утарах, затанцовывается, заныкается!

Подруги соглашаются с ней.

— Верно, — подтверждает и уборщица тётя Наташа. — Вои сколько после нас приходится отходов таскать. Целыми мешками...

Мария развила свою мысль дальше и поделилась ею с секретарём партийного комитета. Она предложила начать соревнование за безбраковность. Партийный комитет, директор фабрики, комитет комсомола, фабком, мастера одобрили новое начинание и обещали поддержку и помощь.

— Тётя Наташа, скоро вам нечего будет делать, — как-то раз весело сообщила Мария уборщице. — Собрание постановило: ни грамма утаров и отходов. Вот как будем теперь работать!

Инженеры и техники заводу пересмотрели все технологические схемы экономики для каждого рабочего, ткачи, прядильщики, отделочники, ремонтники, кончатеры, шоферы писали в своих обязательствах, сколько они сбергут сырья, топлива, красок, бензина. Разгорались споры, опровергались старые нормы, сокращались отходы. «Молния» не успевала отмечать успехов от одной, от другой бригады, комитет комсомола, фабком, мастера одобрили новое начинание и обещали поддержку и помощь.

Кулавинская фабрика перемывала план первого квартала и выработала сверх задания 12 тонн пряжи, 20 тысяч метров суровых и 25 тысяч метров готовых тканей. Вся эта продукция была сделана из сверхэкономичного сырья.

В мае 1949 года о почине Кулавинской фабрики сообщила «Правда». Со всех концов страны потянулись письма, стали прибывать экскурсии, делегации от разных фабрик и заводов. Кузнец, толчок, закройщик! — каждый советский труженик думает о том, что может он сделать для Родины. И раскрывали перед ним новые, такие простые и могучие в своей простоте средства — аккураторность и добротность.

Высокое отличие — Сталинская премия, полученная за новаторство, — напомало сердце Марии Рожнёвой радостью и гордостью. Чувство ответственности стало ещё глубже. Все шире развешивалась перед ней жизнь. Вот она в составе советской делегации отправляется в Булапет и в Китай. Она чувствует себя не просто прядильщицей Кулавинской фабрики, она представительница многомиллионной армии трудящихся страны социализма, представительница самого передового государства, оплота мира во всём мире.

В предвыборные дни коллектив Кулавинской фабрики единодушно выдвинул Марию Рожнёву кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации, и 18 февраля избиратели с радостью отдали свои голоса знатной прядильщице.

Мария Рожнёва знает, как велика ответственность советского депутата перед народом, как велика обязанность, которые накладывают это почётнейшее звание. Пламенная патриотка, государственный деятель, Мария Рожнёва готова их выполнять.

О. СЛЕЗКИНА

«Благодаря народной борьбе к свободе... Я немедленно подумала о Вас, который так хорошо ведёт нашу партию и всех храбрых людей Франции, указывая им путь».

(Из телеграммы Раймонды Дьен жёздо трудящихся Франции Морису Торсу).

Подвиг в борьбе за мир Раймонды Дьен.
(Скульптура)

М. Манизер, Г. Гликеман, Д. Епифанов, В. Риттер, В. Соколов.
(Бессоюзная художественная выставка 1950 года)

«ЭШЕЛОН НЕ ПРОЙДЕТ!»

23 февраля 1950 года на сортировочную станцию Сен-Пьер де Кор, что расположена на окраине французского города Тура, прибыл военный эшелон. На платформах стояли танки. Народ знал: танки отправлялись в Индо-Китай, против вьетнамского народа. На станции Сен-Пьер де Кор собрались сотни людей. Эшелон не должен уйти! Молодая француженка Раймонда Дьен легла на рельсы. Эшелон не прошёл! Весть о смелом поступке юной патриотки уже на другой день облетела всю Францию.

Раймонду Дьен арестовали. Это вызвало возмущение и протест у каждого честного француза. В стране началась широкая кампания за освобождение героини. В адрес правительства и трибунала в Бордо бесконечным потоком поступали письма с требованием освободить Раймонду Дьен. Правительство было вынуждено освободить её досрочно.

У ворот тюрьмы её встречали толпы людей. Её подняли на руки и пронесли через весь город. На каждой станции по пути из Бордо в Тур Раймонду Дьен приветствовали многочисленные делегации трудящихся. Несколько дней спустя в Париже, на знаменитом велодроме, собрались тысячи людей. Французская компартия отмечала свой тридцатилетие. В президиуме рядом с Марселем Кашеном, Андре Марти, Жаком Дюкло сидела Раймонда Дьен, борец за мир, мужественная дочь французского народа.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

— Слово предоставляется диссертанту инженеру Фёдору Алексеевичу Малишву, — объявил председатель Ученого совета действительный член Академии наук БССР Н. Ф. Ермоленко, и на трибуну поднялся выносливый худощавый человек с густыми бровями. На его пиджаке горела Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Он спокойно окинул взором заполненный конференц-зал Академии, развернула свои записки и в полной тишине произнес:

— Мне предстоит сегодня защитить диссертацию об исследовании влажности в верхних слоях залежи при добыче фрезерного торфа.

Два года кропотливого, напряжённого труда отдал Фёдор Алексеевич Малишев своей диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук. Не в тиши кабинета, а в сложных производственных условиях, непосредственно на торфяном предприятии, готовил он свою работу. И задалась её он не два года назад, а значительно раньше, вскоре после окончания Великой Отечественной войны.

Инженер одного торфяного предприятия на Витебщине, Малишев не мог примириться с тем, что между фактическим сбором фрезерного торфа и теми нормативами, которые приняты в торфяной промышленности, существует большая разрыв. Откуда он происходит? Как устранить его? Это и поставил своей задачей молодой учёный.

Война заставила его в Витебской области. Он только окончил торфяное отделение Минского политехнического института имени Сталина и работал инженером-торфяником.

Молодому инженеру было всего 26 лет, и он горел желанием применить свои знания на практике на производстве. Рабочие сразу же полюбили начинающего инженера-общественника, комсомольца и вместе с ним, под его руководством, охотно внедряли новые методы добычи торфа.

Фёдор Малишев и рядовые торфяники сделали всё, чтобы оборудование торфяного предприятия не досталось врагу, и уже тогда у молодого инженера созрела мысль создать группу подрывников, чтобы действовать в тылу врага.

Командир партизанского отряда внимательно расспросил у вновь принятого партизана, что он делал до сих пор, что может делать.

— Торф — предмет мирный, но я имел дело с машинами, с техникой, — говорил Малишев, — думаю, что мои знания здесь пригодятся. Направьте меня в группу подрывников.

— Разом хорошо знаете? — Ещё бы! Моё детство прошло тут. Я тут и рыбачил, и охотился, и грибы собирал, и учился.

— Хорошо, пойдёте в подрывники. С товарищами по группе Фёдор Алексеевич делился заветной мечтой, после войны поехать в Академию, в Институт торфа, стать аспирантом, чтобы отдался любимой научно-исследовательской работе, диссертации.

Инженер знал: этот желанный день сам не придёт, за него нужно бороться. И он боролся, отважно, бесстрашно.

На личном боевом счету Фёдора Алексеевича был не один взорванный вражеский танк со солдатами, с боевой техникой; их не допустил к фронту, рискуя своей жизнью, смелый советский человек.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1944 года Фёдору Алексеевичу Малишву было присвоено звание Героя Советского Союза. В Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны на видном месте в галерее партизан висит портрет тов. Малишева.

Кончилась война. Взмывы, засады, мины — всё это отошло в прошлое, и тогда сбылась мечта полесского колхозника, инженера, воина; он приехал в Минск и начал работать в Институте торфа.

...

— Диссертант закончил своё выступление, — объявил председатель. — Дадим слово его оппонентам.

На трибуну взошёл действительный член Академии наук БССР вице-президент Академии И. Лутинский. Его сменил доктор технических наук Ф. Оняйко. Вслед за ними на трибуну поднялся третий официальный оппонент, кандидат технических наук К. Лундберг. Все они единодушно отмечали большую научную и практическую ценность диссертации молодого учёного.

Своей работой Малишев доказал, что фактически, в производственных условиях, влажность и объёмный вес фрезерного слоя расходятся с нормативными данными. Молодой учёный определил и указал разницу между фактическим сбором торфа и нормативами в 35—38 процентов. Официальные оппоненты, крупные советские учёные, единодушно согласились с выводами диссертанта и отметили большое значение этого вывода для торфяной промышленности.

Автореферат диссертации, отпечатанный в типографии, был разослан в разные научные учреждения и производственные организации. Отзывам, поступившим на работу аспиранта из Москвы и Казани, также отмечали серьёзность и практическую ценность выводов молодого исследователя.

Учёный совет отделения физико-математических и технических наук Академии наук БССР тайным голосованием единодушно присудил Фёдору Алексеевичу Малишву степень кандидата технических наук.

Е. САДОВСКИЙ

Борислав СТЕПАНЮК,

делегат совещания молодых писателей

ОТ БЕРЕГОВ ДНЕПРА

...и потечут
Весёлой рини, а сфера
Кругом гаяны поростут...
Т. Шевченко

И потечут, как весёлые реки, каналам
Там, где песчаные бури
По степи гуляла.
Там, где в двадцатом
За власть молодую бороться
Фрунзе водил
Под знаменем алым каховцев.
И потекут голубыми потоками реки
Там, где по Таврии
Ветры летали от вихря.
Там, где голубуцким
Пою Мелитополем билих
Орды фашистов,
Чтоб больше в наш край не ходили.
Воды днепровские хлынут на благо Отизны
Южнотенского
Для счастья народа, для жизни.
Силою сталинской,
Духом советским богаты,
Люди выйдут —
Невиданной стройки солдаты.
Из Ленинграда вышны
И уталь Донбасса
Мчат поезда
Под Каховку, на славную трассу.
Девушки едут,
И песню поют комсомолки,
Знаком Отизна
Промасляют хлопком и шёлком,
А из Аскании-Нова идут комсомолы,
Чтобы стада тонкорунных
Тучней под солнцем.
Возле Одессы вистистая встанет пшеница.
Поле ржаное невиданно заколосится.

Вырастут всёку
Зелёные рошч-заставы,
И города мы воздвигнем
Для счастья и славы.
Это в труде вдохновенном
Родная Отизна
Строит навеки
Солнечный дом коммунизма.

Перевёл с украинского
Евг. КРИВЕНКО.

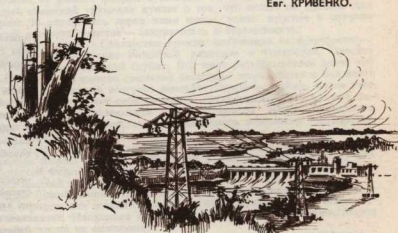

Рисунок Е. Ракузина

11 сентября. Валя Бринёва как-то переменялась, вроде повзрослела. Часто заходит в парторбю. Она сейчас изучает Устав, мы комитис с программой ВКП(б). Когда ей что-нибудь неясно, она обращается к Антонине Михайловне. Как бы не был занят партгор, Валя всегда получает у неё все разъясняющий, обстоятельный ответ.

Бринёва сказала, что Антонина Михайловна даёт ей рекомендации. Вторую рекомендацию даёт Галя Романова.

15 сентября. Наступают дождливые сентябрьские дни. Наши вечерние танцы во дворе выходят из моды. Теперь будем ходить в клуб.

«В свободные вечера занимаемся рукоделием. Сегодня почти все дома. Аня Палагина кроит себе платье, Тамара вышивает салфетку пинцетом. Обе они и Саша Ионовна посещают кружок кройки и шитья. Я вижу, Вязать могут у нас все. Саша вслух читает «Это было под Ровно». В комнате уютно, совсем по-домашнему. Нам даже часто говорят: «Ваши комнаты не похожи на общежитие».

Часу в одиннадцатом, радостные и взволнованные, прибежали Рая и Валя Филоновы. Они только что из райкома. Им вручили комсомольские билеты. Девушки раскрыли серые книжечки с сидзутом В. И. Ленина и, составив, скотрип на ордене — награды комсомола. На первой странице аккуратно написаны их фамилии.

Теперь в нашей группе 23 комсомольца.

23 сентября. По плану группы, в этом месяце у нас экскурсия в Музей В. И. Ленина, Исторический и в Дом-музей Б. И. Ленина в Горках. В Историческом музее мы уже были, сегодня едем в Горки. Группа собралась большая — почти все конвейер.

Специальный автобус отходит от площади Революции. Быть в центре Москвы и не заехать на Красную площадь — невозможно. Взявшись под руки, двумя шеренгами мы медленно идём мимо се-

дога Кремля.

Люблю и эти места. Кажется, даже если б жила очень далеко от них, всё равно бы ездила сюда.

К Горкам подъехали в поднебе.

30 сентября. Радостные новости привёс этот день. Первая новость — полное исчезновение пинтогов. Приближаемся к июньским показателям. Всё же на две десятых процента ещё не достигли.

Другая радость — на страницах многотиражки под рубрикой «Метод инженера Ковалева в действии» крупными буквами напечатано:

«Инструкция по затяжке подкладки».

Никто фотоснимок. На нём наша Тамара. Она снята за работой. Молодец Тамара! У неё будут учиться все затяжники калашинских конвейеров.

2 октября. Сегодня начало учебного года в политехнике. У нас занятия будут проходить по пятницам, по два часа. Значит, первый раз — шестого. Заранее готовимся к этому дню. Но группа старшей слова избрали Валою Бринёву. Составили список, заниматься будут 18 человек, остальные — в школе рабочей молодёжи.

3 октября. Тамара была в комитете, на совещании. В разговоре с Мурзёвым нечаянно об-

На лыжной прогулке. На переднем плане — физгор Тамара Ломанина.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

(Окончание. Начало см. в № 4)

Риска ПОРЯДКОВА,

группингсорг 7-го конвейера завода «Красный богатырь»

В Музее революции.

ронила фразу: «Трудно, не успеваю следить за всем». Тот покачал головой, улыбнулся и говорит:

— А зачем ты поровнишь всё сделать сама? У тебя же замечательные активисты. Пересмотрите поручения, распределите работу равномерно.

Действительно, давно пора заняться этим. Кое-что из группы давно ушло. Новички ждут поставленных заданий.

А что делает наш контрольный пост? Какие у него задачи? Надо подумать, посоветоваться. А наша газета «Дружная бригада»? Серёжки, безбаша? Заметки в каждом номере одинаковые. Наташа Фирюлина, редактор, почему-то не была на позавчерашнем производственном собрании сме-ны. Тоже редакторы!

9 октября. Распределяли поручения. Аня Долгова — профгор,

проводит громкие читки. Наташа Фирюлина остаётся редактором «Дружной бригады», ей помогают Шура Тюркина, Нина Шинкина и Женя Савелова. Саша Ионовна — разносчик газет. Вместе с комсомолкой Зинкой Кокариковой она входит в группу Любы Хондрейко по шефству над детским домом. Тамара Ломанина — физгор. Валя Юргина — бригадир по качеству, ведёт доску показателей. Ей помогает контрольный пост: Аня Палагина, Тая Печникова, Валя Журавлёва, Катя Степанова. 12 октября. Открытая собрание, Тамара заметила вольнодумца. Девочки сидели молча, словно провинившись.

— Сегодня, — сказала Тамара, — мы обсуждаем поведение члена нашей группы Женю Савелова.

Женя поднялась с места и начала говорить о своей работе, о

том, что по рассеянности иногда допускает «завалы». А когда склится под рукой заготовки, работать становится ещё труднее, часто роняет их. Начнёт поднимать — и совсем отстанет. Однако в голосе Женя не слышны раскаяния. Она как будто хочет сказать: мол, сами знаете, с кем такое не случается.

— Женя не понимает своих ошибок, — замечает Тамара. — Мы должны разъяснить ей.

Сказала, а девочки даже не шевельнулись, поперекрутили стальною опускают глаза. Неужели слова группингсору повиснут в воздухе? Что если никто не наберётся смелости в глаза сказать Женю всю горушку правду?

Несколько минут длится молчание. Но вот поднимается Валя Юргина, бригадир по качеству. В её руках знакомая всем голубенькая записная книжечка. Она подробно отмечены наши показатели по выработке, качеству и выполнению обязанностей. Валя говорит спокойно, обстоятельно и убедительно, как начинающая сестра. Она оперирует цифрами и фактами. Уже прошло очисление, все внимательно слушают её.

— Норма выработки за смену, — говорит Валя, — 3800 пар. В хорошие дни мы даём от 4 400. Мы выпускаем продукцию отличного качества. Недаром бригада носит почётное название — «Бригада отличного качества». Это обща заслуга, результат общих стараний.

Наш коллектив передовой. И показатели могли бы быть лучше, если бы нас не тонули назад отдельные работницы. Тем хуже, что среди отстающих комсомолка, член нашей группы.

Вслед за Валей сразу попросила слова Аня Долгова. Она говорит о том, что Женя не считает с коллективом, подводит всю смену.

Потом выступают Бринёва, я, Саша Ионовна, Аня Петровна, и все мы сурово критикуем Женю. Мы говорим: дело совсем не в том, что Женя по нечаянности роняет заготовки. Так действительно может случиться с каждым. Но почему это чаще всего бывает с Женей? Да потому, что она не понимает своих ошибок, забывает, что работает так, как мы работали в первые дни после окончания ФЗО, сейчас нельзя. Женя не дорожит своим членством в коллективе и подводит не только смену, но и комсомольскую группу. А разве может так поступать человек, носивший высокое звание члена Ленинского комсомольского комсомола!

На все эти вопросы мы просим ответить Женю. Согласна ли она с нами? Женя обижена, и говорит: ей вовсе не хочется. Но она чувствует, что её слова ждуть. Она вытаращивает человек. И она обещает учесть наши замечания, исправить ошибки.

Все обещанно вздыхают. Но разве можно успокоиться и торжествовать победу? Мы, конечно, верим Женю. Но надо стараться. Однако, чтобы полностью исправить, человеку требуется время и помощь товарищей. И мы должны все будем помогать Женю.

13 октября. Состоялось второе занятие политехкурса. Прежде всего проангажирован стал спрашивать по первой теме. Люд Хо-перская, которая, отведывая хорошо. Она очень серьёзно подготоло- читала дополнительную

А. РУБИНОВ

ДРУЗЬЯ ВАСИЛЬКА

Рассказ

С лёгкой руки Володи Максимова за Славой Деметьевым прочно закрепилось имя Дядюшки.

В 524-й комнате общежития уже не произносились имена Слава-большой и Слава-маленький. Теперь были Дядюшка и просто Слава. Не прошло и недели, как об этой перемене узнал весь институт, узнал и одобрил.

Приобретением этого прозвища Слава Деметьев был обязан вот какому происшествию.

Дело было в январе, в самый разгар экзаменационной сессии. С консултации возвращаясь всей группой, Особенно волновалась Лидя Киселева: она была не уверена в своих знаниях.

— Как хотите, ребята, а я иду в деканат. Упрошу, чтобы мне разрешили сдавать со второй группой. Хоть денёчек выгадать.

— Не глупи, Лидя, — отговаривал Слава-маленький. — Ведь тогда на подготовку к немецкому тебе не останется времени. Опять пойдёшь к декану!

— Тебе, конечно, хорошо уговаривать, — наоравила Лидя. — Вы с Володей, наверное, два раза всё перечитали.

— Ну, до чего же ты прозорлива! — сказал Володя. — И как ловко ты отгадала! Понимаешь, прочитали ровно два раза.

Только Слава Деметьев не принимал участия в разговоре. Его внимание привлек парень лет двенадцати, в большой, видимо, отцовской, ватной телогрейке, туго пережатой солдатским ремнём, и с самодельным крашеным чемоданчиком в руках. Мальчик млял бумажку и робко всматривался в проходивших мимо студентов. На лице его была нерешительность: мальчик, очевидно, хотел обратиться с вопросом, но не решался.

— Чего, мальчик, ищешь?

— Институт.

— Это и есть институт.

— И вы там учитесь, да? Вот хорошо! — обрадовался мальчик.

К разговаривающим подошли студенты.

— А вы не знаете Николая Андреевича Селезневича? — осмелев, спрашивал парень. — Он тоже здесь учится.

— На каком факультете?

— Нет, не знаю. Он в институте учится.

Студенты услазились.

— Лидя, — обратился к девушке Слава Деметьев, — ты идёшь в деканат, помоги пареньку разгнать в канцелярии про этого Николая Андреевича.

— Ну, идём! Ребята, вы без меня не уходите, я имгом.

Лидя вернулась из канцелярии счастливая:

— Понимаете, разреши и слова не сказал.

А мальчик вдруг заструнил.

— Ты что приуныл! — спросил Слава Деметьев. — Ну, почему не отведешь? Почему нос повесил!

— Селезневича нет! Я ещё устал на практику, — ответила за мальчика Лидя. — Он, знаете, с третьего курса, из четвёртой группы...

— А зачем он тебе понадобился! — допытывался Слава. — Ну, говори же!

Слава положил свою большую руку на плечо мальчугана и, притянувшись, старался взглянуть ему в лицо.

— Ты, верно, из деревни? Не москвич?

— Из Яцкова я, из деревни, — проговорил наконец парень.

В гости к Николаю приехал!

— Нет...

— Зачем тебе в Москву понадобилось? Говори же смелей! Не беда, что Николая нет, мы его товарищи. Вот видишь этого человека? — он указал на Володю. — Это же лучший друг Николая. Верно, Володя? Володя не стал спорить.

— Тебя как зовут? — продолжал допытывать Слава Деметьев.

— Васильк, Вася, — поправился мальчик и в первый раз взглянул на собеседника своими внимательными голубыми глазами.

— Ребята, — восторженно зашептала Лидя, — да глядите же, какой славный мальчуган!

Из-под шапкоушки мальчика выбились прядки каштановых волос. Когда он говорил, открывались два ряда белых зубов. У мальчика было трогательно грустное выражение лица.

— Ну, а по большому тебе как? — продолжал Слава-большой.

— Изакович.

— А лет тебе сколько, Васильк Изакович?

— Тринадцатый.

Васильк отвечал всё охотнее и всё смелее глядя на окружающих.

— Тринадцатый? Батюшкин, да ты же совсем мужичка, а ревушь.

— Нет, дяденька, что вы, я и не думаю плакать!

Слово за словом выпытали студенты всю несложную историю мальчугана. Васильк — сирота. Живёт он с дедушкой в деревне, за сто с лишним километров от Смоленска. Летом в деревню приезжал на каникулы Николай Селезнев. Васильк удин с ним рыбу, ходил в лес. От студента мальчик услышал много интересного. Но особенно ему понравился и крепко запомнился рассказ о замечательном токаре Павле, Фамилию его Васильк забыл. Этот Павел — удивительный мастер. Он простой рабочий, а сделал такие резцы на своём станке, каких раньше не было. Васильк никогда в жизни не видел токарного станка, но твердо решил стать токарем, таким же, как Павел. Николай рассказывал, что в Москве много ремесленных училищ, где учат на токарей. Васильку очень

В СТАРОЙ КИНЕШЕ

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

В классе Фурманов всегда сидел на «камчатке», у окна, за которым открывался лесной заволжский лесостепь.

Фурманов во всем любил порядок, точность и чистоту: парта, за которой он сидел, сверкала лаком, учебники были обернуты толстой цветной бумагой, в тетрадках не было ни одного чернильного пятна, карандаш постоянно был только отчищен, твёрдое и чистое перо легко скользило по глянцевой бумаге.

Рядом с Фурмановым сидел его закадычный друг Володя Румянцев, поэт и мечтатель, а по соседству — второй неизменный товарищ — Аёва Шориня, высокий и сильный юноша, лучший гимнаст в классе. Все трое — Фурманов, Румянцев и Шориня — учились очень хорошо.

«Начинается урок: в класс врзавалку, будто на лыжах, входит-выплетает учитель истории, пожилой человек с проседью в чёрных волосах, с обкуренными усами, в синих, смятых на нос очках, Иван Васильевич Голубев.

Реалисты называли его «от сик до сик», потому что ученики Иаовьяского или Виноградова были для него стражками и непреклонным авторитетом. Каждое слово, не совпадавшее с учебником, хотя бы и не расходившееся с ним по смыслу, непременно настораживало Ивана Васильевича.

— Тут, братец ты мой, что-то не так, — говорил он, покачивая головой, — у господина Виноградова применено другое выражение...

— Не мудруйствуй лукаво, — назидательно советовал он ученику.

А Фурманов ему отвечал:

Однажды Иван Васильевич, прохаживаясь среди парт, заметил под учебником Фурманова какую-то постороннюю книгу. Фурманов хотел спрятать книгу, но Голубев предупредил его.

— А ну-ка, братец, давай её сюда, — сказал он со вздохом.

Будто обжегшись, Голубев осторожно взял книгу и впопыхах прочитал: «История французской революции». Беспояно перелистав странички, учитель посмотрел на Фурманова с недоумением и испугом.

— Труд сей не рекомендовал для средних учебных заведений, а следовательно, и запрещён для чтения, — сказал он, стараясь придать своему глухому голосу строгость и власть. — Книга, как недоверованная, подлежит изъятию, о чём должно быть доложено господину директору.

Ивану вспыхнула, но, оладев собой, встал и вежливо заметил: — На кие, Иван Васильевич, есть цензурная пометка: а, кроме того, я взял её в Земской библиотеке и должен возвратить.

Голубев криво усмехнулся:

— Та-ак-с... А кто вам разрешил брать книги в Земской библиотеке? У нас есть своя, казенная, да и фундаментальная, в порядке исполнения, к вашим услугам!

Иван Васильевич сокрушённо посмотрел на Фурманова.

— Большие вы надежды полагаете, Фурманов, а всё же карьеры, боюсь... ой, боюсь! — не сделаете. Запираемые идеями бродят у вас в голове... — учитель выразительно постукал себя по лбу.

Однажды было задано домашнее сочинение на тему из эпохи Кромвеля. Фурманов, строго придерживаясь исторических фактов, написал яркое, смелое и страстное рассуждение о революции. Иван Васильевич, возвращая ему сочинение (объёмом в целую тетрадь), говорил:

Настоящие заметки, написанные на основе личных воспоминаний, относятся к 1910–1912 годам — периоду пребывания Д. А. Фурманова в Кинешемском реальном училище. Заметки характеризуют молодого Фурманова и как будущего автора «Чайная» и как революционера.

— Я вам поставил двойную отметку: пять — за изложение, за слоги, и единицу — за смысл, за содержание. Суждения ваши возмущательны и должны явиться предметом особого разбирательства на заседании педагогического совета.

— Но ведь антигосударственная революция, как и французская, как и наш 1905 год — исторический факт, — ответил со своим обычным спокойствием Фурманов.

Иван Васильевич захмурился.

— Во-первых, не революция, а бунт, а, во-вторых, сии печальные факты мы должны рассматривать так, как они расцениваются в учебниках, рекомендованных министерством... — Иван Васильевич снова перешёл на соблаговолительный тон. — Одумайся, одумайся! Надеждит на краю бездны, над самой стремниной стоите, молодой человек! Сами помыслите: вы закичиваете реальное училище, поступаете в университет, выходите постепенно на стезю служения отечеству и престолу... Помните молитву: «Родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу?»... А какая может быть польза от тех идей, к которым вы столь нагло и пристрастно? Иван Васильевич вздыхал и жмурился.

— Не польза, а сплошной вред! Попадаёте на студенческие сходочки, запрещённую литературу будете почитывать, за литературой пойдут практически заведомости, а там, глядишь, казённые харчи, серая бескомырка, а за сик — матушка Владимира, «самый зловещий канцелярный» и прочая и прочая.

Фурманов слушал Ивана Васильевича с чуть заметной улыбкой, но снисходительно сверкая умиными карими глазами. На перемене он говорил своим друзьям:

— Бедная чиншничья душа!

Фурманов жил и непо- даляку от училища, на

ИЗДАТЕЛЬ захлащенной уличке, которая называлась тогда Садатской. Небольшой домик, в котором он снимал комнату, выходил окнами на реку Казовку (приток Волги). В его комнате всё сверкало чистотой: и кровать под байковым одеялом, и стены в синих обоях, и широкие окна, протёртые до перламутрового блеска. На столе, заставленном голубой бумагой, стояла керосиновая лампа с голубым абажуром, в симметричном порядке лежали книги. Тут были Пушкин и Толстой, Тургенев и Чехов, Шекспир и Гёте, Белинский и Добролюбов, Чернышевский и Писарев, Кавчавский и Соколов. Были сборники «Знание» с произведениями Горького, ульяны, где печатались Бунин и А. А. Толстой, Куприн и Пенский, Вересаев и Серафимович. Среди книг стояли две фотографии в узорных рамках из тёмноорехового дерева. На одной была снята «тройка» братьев — Фурманов, Румянцев, Шориня, — на другой — гимназистка Наталья А.: тонкое, чуть удлинённое лицо, большие глаза, длинные косы.

Время у Фурманова было строго рассчитано. После обеда он готовился к занятиям на следующий день, а потом шёл на уроки: у него было трое учеников. Фурманов был синоном очень бедных родителей и жила на собственные средства, которые давали ему уроки в купеческих семьях и, частично, работа в местной газете «Кинешемец». В газете Фурманов печатал под различными псевдонимами очерки и фельетоны — иногда на очень острые местные, бытовые и общегосударственные темы.

В сумерки, возвращаясь с уроков, Фурманов часто заходил в редакцию. Там его встречал редактор М. А. Горбатов, бывший студент, исключённый из университета за «политическую неблагонадежность», — молодой, худощавый человек в пене, в неизменной чёрной рубашке «фантазия». Горбатов давал Фурманову тему, читал ему свои стихи (он широко печатался в изданиях «Почтовый»). Иногда он показывал только что полученное письмо, написанное прямым, крупным, очень разборчивым почерком.

¹ «Фундаментальной» (учительской) библиотечной пользовались по особому разрешению только отдельные, лучшие ученики.

— Вот это человек—Алексей Максимович Горький!—говорила с восхищением Горбатов.—Пойдешь ему отсюда, из глухой провинции, стихи или расказы—и быстро получишь подарочный отзыв от и стескился похужит и всегда поддержит. Это писатель и друг!

Горбатов благодарно и любовно смотрел на большой портрет Горького, висевший над редакционным столом.

— А какая радость читать Горького!—отзывался Фурманов.— Читайшь—и всё больше хочется жить, учиться, работать и бороться...

Здесь же, в редакции, Фурманов встречался с другим бывшим студентом, только что вернувшимся из политической ссылки,—большевником-подпольщиком Григорием. Он знакомил Фурманова с боевым учением Маркса, с социал-демократическим (большевиком) движением, с практикой классового бояры на местных фабриках и заводах.

Приходилось встречаться Фурманову и с издателем газеты Д. Н. Аверьяновым.

Увидев входившего Фурманова, он любовно (и чуть исторженно) улыбался, подавая руку:

— Каким потянул, молодой человек. Чем могу саужить?

— Гонорар не мешало бы получить,—говорила Фурманов.

— Гонорарий?—протяжно вздыхала Аверьянов, делая печальное лицо.—А, может быть, книжечками или карандашами возьмёшь?

Для вас это вещь столь же необходимая, сколь и для меня.

— Лучше бы всё же деньги,—настаивала Фурманов.

— Согласен, молодой человек, лучше,—но касса сегодня, как говорится, соломынь шипит...

— Да мне и причитаются, вероятно, гроши...

— Н-да-с!—опять вздыхала Аверьянов и, роск в счетах и ордерках, говорил:—Причитается вам на сей раз довольно солидная сумма—2 рубля 90 копеек.

— Коротко говоря, три рубля.

Аверьянов улыбался:

— Как-с извоилим сказать? Три рубля? До трёх рублей не жива-тает одной копейки, а копейки в нашем деле, может быть, самое важное: оид, матушка, рубль бережёт. В нашем деле, запомните, такой расход: копейкой рубль прикалывают!

Наконец Аверьянов подавал Фурманову заветную трёхрублёвую бумажку.

— Извольте получить, расписаться и пожаловать сдачу.

Фурманов рылся в карманах, находил копейку. Аверьянов бегло брал её, берзко опускал в лщик, полный серебра и меди, потом, глядя на Фурманова, говорил:

— А вы нас, молодой человек, не забывайте. Пишите. Аوسع, будете когда-нибудь известным писателем и меня, грешного, вспомните: дескать, на заре туманной юности впервые печатался у этого-то, или же... Желало-с вдохновенья и успеха, господиң реалест!

Фурманов откланивался и, улыбаясь, выходил на улицу.

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА
В морозные зимние вечера хорошо было скоа-знить по зеркальному алыу катка на коньках или прохаживаться по аллеям парка по вечерам. Мо-сковской улице, сверкавшей огнями магазинов «Пчельник», «Трун», «Ваше здоровье»... Молодёжь гурыбь заходила в эти магазины потреться, купить складчину палитку шоколада «Ала-Петер» или необходимую для школьно-девинокских записек книжку «День за днём». В магазинах пахло альфонскими и какао, збро сияли и переливались баючные игрушки: бусы, флаги, сияющие хлопья, серебряные звёзды, сияли разноцветно раскрашенные открытые календари. Балзиками, веселая и волнует сердце, зимние каникулы.

— Каникулы,—говорила своим друзьям Фурманов,—надо проводить с тоаком и со смыслом. Перед каникулами я всегда ставала себе твёрдые задачи: сделать и прочитать то-то и то-то—и ни-когда не отступало от плана. Надо постоянно крепить в себе само-дисциплину!

Фурманов, как и большинство его сверстников, на последние гроши посещала кинематограф.

Бывала Фурманов и в театре, правда, реже. Особенно любил он пьесы Островского «Аес», «Весриданница» и «Гроза».

Всего чаще ставились «Аес». Роль Катерины талантливо исполняла «первая актриса» театра—Аделаида Витская.

Посещение театра было большим и радостным праздником для Фурманова. Вспоминала и возбуждало действительно всё и огромное портрет Островского в фойе, и запах духов и грима, и стук топоров на сцене, ещё закрытой тяжёлым занавесом из алаового шелка, и звуки военного оркестра, игравшего старинные русские вальсы. Но вот занавес с шорохом раздвигался в стороны, вспыхивал свет, и на сцене появлялась Катерина в чёрном платье, с огромными готсующимися глазами.

Фурманов с валающим лицом восторженно говорил своим друзьям:

— Какая это великая вещь—искусство!

А по выходе из театра друзья опять шли на прогулку—пробирался на заснеженной улице, бродила по серпунчатой пропутьной тропинке, с жаром обсуждала судьбу Катерины по статье Добролюбова «Луч света в тёмном царстве».

Стояла глубокая ночь. Липы на бульваре были облеплены мохнатым инеем. Высокая зимаия луна чёт золотила вековые снежные просторы—бесконечную Россию, сияющую лугами и колодезными снами. Но в темноте и холоде ночи ярко, огромными сгоями, светились вокруг электрические огни неспящих, глухо рокотающих фабрик. И, смотря на эти огни, Фурманов однажды влохотно и радостно сказал:

— Вот откуда придёт настоящий свет!

Имя. СМЕРНОВ

Человек создан для счастья...

Азат хорошо помнит тот день. Он вылез из шахты мокрый и обес-спеленный. Проклятый! Эти рудные наосы существуют только для господ из горного надзора. Удобный повод для взыток. А работать приходится по горло в ледяном потоке, словно ты не шахтёр, а вода-ная крыса. Сегодня вода казалась особенно холодной. С таким терпе-нием همه ждали конца работы! Ну, вот и дождались. Ни еды, ни отдыха... Проклятый паук!—вылезал шахты «Гаджери»! Из-за его несчастной жадности в их горномном посёле, в котором ютились около 400 семей шахтёров, нет даже хлебопекарни. Печнь обшарилась бы хозяй-ну в несколько сот реалов—равно он раскошелится для этого ешивного сброду? Вместо хлеба они вынуждены грызть это запаленое месо-но, которое привезли из Тегерана на шахты три месяца назад, когда ещё миза не отрезала их посылкой от всего мира.

Это не пища для утоления голода. От всё только нестерпимая боль в желудке. Нет, сегодня они лучше прямо жалеть спать. Но разве успеешь, когда зубы стучат, а грудь разрывает кашель? В бараках нет печей, и каменный уголь, подобранный в отвалах шахты, жгут прямо на земляном полу, без всякого очага: Какой тут сон! Может быть, есть у тусклого камина починить ту книжку русского писателя, которую ему привёз из Тавриза брат Врек?

Так он и сделал. И скоро забыл обо всём на свете: о голоде и холоде, о густом сером дыме, сквозь клубы которого их барак казался подземельем.

Бедный Микал! Бесные дети! Какие бывают несчастные люди на земле—ещё несчастнее его, Азата! Этот лишний обих рук уродец, которого возят по дворам на утеху асаякам. Он писал ногами, этот искражённый тяжким недугом человек из рассказа «Парадокс». Но что это? Так ли он прочитал эту фразу? Как прекрасно звучит она, такая в этой смысле мысли! «Человек создан для счастья, как птица для полёта». Человек создан для счастья! Да ведь это нивало существо, почти непохожее на человека, быть может, самое несчастное из всех обитателей земли! Ну, конечно, в этой фразе налёдка. Писатель и не скрывает этого—ведь он назвал рассказ «Парадоксом». И сам герой рассказа, этот безурный язык Залуцкий, говорит потом: «Человек создан для счастья, только счастье все всегда отнимало для него». Именно это, очевидно, и хотел сказать Короленко своим рассказом. А быть может, иное? Быть может, всё-таки главное в рассказе—что человек рождён для счастья? Но так ли это? Для чего рождается человек?

Бывают в жизни переломные дни. И Азат Вегуни, ныне студент Бразовского университета, говорит, что для него таким днём был день, когда он прочитал рассказ Короленко и впервые задумался о смысле жизни. Быть может, попалась ему книга Горького или марксистская литература—раздумья не были бы так длительными, сомнения—так тревожными. Но толчок мыслям был дан рассказом, и Азат стал настойчиво искать решения мучившего его вопроса.

Неужели он родился для того, чтобы калыа за жалкой отаагать свои силы владельцу «Гаджери»? Состарился—и тебя выгонят на улицу, как дека Ятцла, который 50 лет проработал на шахте, а те-перь просит подаяния у получивших шахтёров. Для этого, что ли,

Изабела Чукаселан в кабинете марксизма-ленинизма готовится к экзамену.

Фото С. Хосрова

Пав на колени, они целовали обетованную землю...

родились на свет он и его товарищи? Или они рождены для другого — для счастья, как написал безумный философ? Азат искал ответа на этот вопрос в книгах, в беседах с товарищами.

В 1941 году Иран, где жил Азат, стал ареной важных международных событий. Чтобы помешать гитлеровцам овладеть Иран в войну на своей стороне, туда вошли советские и союзные им войска. Шахта «Гаджер» находилась там, где стояли советские части. Азат познакомился с людьми из Советского Союза, от которых он узнал, что в их стране давно решён вопрос, для чего же Азат почти ничего не слышал о стране социализма. В подземельях шахты «Гаджер» не долетали слова правды. То, что он слышал, походило на сказку... Но война окончилась, и люди страны счастья ушли из Ирана. Теперь у Азата была цель — попасть в Советский Союз.

До сих пор то, что он был армянином, составляло источник дополнительных страданий в его многотрудной жизни иранского горняка. Иностранец и работу получал в последнюю очередь, и штрафы сыпались на него сверху обычной меры. Но теперь он узнал, что, как армянин, он может добиваться выезда в СССР, возвращения на землю своих дедов, в Армению, откуда сотни лет назад враг унёс в полон его предков. Он связался с армянским вереселенским комитетом, и в 1946 году, когда из Ирана в СССР отправился первый караван репатриантов-армян, возвращавшихся на землю предков, среди них был и молодой горняк Азат Вегуян.

Годы не стёрли воспоминаний о том дне, когда, миновав кордон, они вступили в пределы Советского Союза. Пав на колени, они целовали обетованную землю... Это был день его второго рождения, рождения для иной жизни — для счастья...

С тех пор минуло пять лет. Азат закончил школу и стал студентом университета. Бывший горняк, он выбрал геологический факультет. Он много ездил по Армении. Был в поисковых экспедициях в горах Загурского, на руинах в Алаверди. Любопытными утками жителями шахтёрского городка, дивясь ритму сляженного, во сто крат облегчённого механизма шахтёрского труда, в который раз вспоминал он мрачные копи «Гаджер». Да, там, в том подземном аду, можно было усомниться, для чего рождён человек. Теперь он знает, для чего он родился.

Он достиг того счастья, о котором не мог и грезить прежде. Познал горечь темноты, он полной мерой ценит радость учения. Все годы учёбы в университете Азат был отличником. Он ведёт хотя и не большую, но самостоятельную научную работу. В научном студенческом обществе

Азат прочитал доклад «О минералогии серы», сейчас к 30-летию Ереванского университета готовит доклад, основанный на материале, собранном во время летних экспедиций. Он знает: доклад его вызовет споры. Выводы, которые делает он из своих наблюдений, могут иметь большие практические последствия. Товарищи и деканат оценили его общественную работу, его успехи в учёбе: он избран председателем секции научного общества, председателем профкома факультета. А недавно его удостоили высокой чести: как лучшему студенту факультета ему назначена стипендия.

фото С. Хосроева

Гоар Гаспарян поёт на оперной сцене на родном языке, для родного народа. И а-с-и-и-и! заслуженная артистка республики Г. Гаспарян и народный артист Армянской ССР Д. Погосян в опере «Ламия».

в магазине. После школы её жалко неизвестное будущее, скорее всего безработица.

Изабелла — дочь рабочего текстильной фабрики — по вечерам училась в школе, днём служила в банковской конторе на Уолл-стрит. На фасаде конторы ежедневно менялись цифры: объявлялись курсы то падавших, то поднимающихся в цене различных акций. Безумная пляска! В ней виделось Изабелле лицо Америки; всюду идёт игра,

Недавний невольник иранской шахты стал студентом, сталинским стипендиатом! О таком и мечтать не смеют там, в капиталистическом аду, где порою людям кажется, что человек создан для горя, страданий, лишений, темноты. А ведь он создан для счастья, как птица — для полёта. Теперь они хорошо знают, что в этом великая правда...

Юность — пора раздумий о цели жизни, о назначении человека. Тысячи юншей и девушек, недавно приехавших из разных капиталистических стран на землю своих отцов, в Армению, вновь переосмысливают представления о жизни, складывавшиеся у них с детских лет.

Соня Мрблян, Изабелла Чухасеян, Катяриана Асатрян — студентки Ереванского педагогического института иностранных языков — только недавно приехали из США. Как понимали они, живя в Америке, цель жизни, предназначение человека? Об этом им ежедневно говорили в школе, по радио, твердили в журналах и газетах. Смысл этих высказываний был таков: «Цель жизни — получать наслаждения. Счастье — удел немногих, удел сильных. Сильному американскому народу предназначено править другими народами. Все американцы рождены для счастья». Но это так не походило на правду их жизни! Отец Сони был портным. Когда он стал слепнуть, никто не направил его к врачу, — его выгнали с фабрики. Семью содержала мать — она работала в ателье. Отец тоже продолжал зарабатывать — шить он не мог, но он утешал. И всё же, чтобы иметь возможность посещать пять раз в неделю школу, Соня два дня в неделю должна была работать

которая обогащает хищников-капиталистов и низводит до положения рабов простой народ.

Однако все больше людей в стране начинают понимать, что их обманули. Они пытаются бороться — с ними жестоко расправляются. Отец Катарины — закройщик швейной фабрики — попробовала было высказать недовольство условиями труда, одобрительно отозвался о Советском Союзе. Его выбросили на улицу и записали в «чёрный список». Разве не ждала такая же судьба отца Изабеллы, мать Соин? Что ж, им всем пришлось бы утешиться тем, что, видно, счастье не их удел, они не из числа сильных. Может быть, они привыкли бы с горем, как слепой Мирблян, и тварили бы ламку до конца жизни.

И вдруг эта разительная перемена! Этот прижок в шной мир. В мир, где счастье — удел всех. Они все трое учатся в институте. Им выдают стипендии. Их родители получили работу и уже не тревожатся, что потеряют её. Им отпустили по 30 тысяч рублей на каждую семью для постройки домов. У каждой семьи есть теперь свой оаг.

Соин, Катарины, Изабелла признаются: в первые месяцы они не верили в своё счастье, не верили в его прочность — сказались годы американского воспитания. Казалось, что это только удача, случай, что всё обязательно изменится к худшему. Но теперь они знают: счастье в Советском Союзе не тот редкий случай, которым бредит американская молодёжь. Здесь право на счастье гарантировано всем трудовым людям.

Девушки вступили в комсомол. Они хотят отдать все свои силы своей новой родине — родине счастья.

...Художник Аганеса Асатрина не раз поучали: жизнь надо изображать не такой, какая она есть в действительности, а такой, какой чудится она в снах и грезах. Но всем нутом подлинного художника он стремился выразить в своих картинах правду жизни.

Он жил в Бейруте, Багдаде, Дамаске, сказочных городах Шахрезады, где ярко сияют лучи знойного арабского солнца. Но для него это солнце лишь ещё ярче оттеняло нищету воевавшихся лачуг, лохмотья пострых восточных базаров, слезы страданий в горя на лицах бездомных. Его картины не находили сбыта. Денег не было, он ушёл с первого курса бейрутской школы художеств и начал бродяжничать по Ливану.

И вот он стоит перед выставкой своих картин в Ереванской художественной галерее.

— Мне не нужно теперь изображать трёх вместо жизни, — говорит молодой художник. — Та жизнь, которую я увидел, прива в СССР с группой репатриантов-армян, ярче и красочней самых фантастических видений.

Здесь, в стране социализма, он обрёл новую, светлую гамму красок. В его картинах дрожит пронизанный солнцем воздух, чистый горный воздух Армении, воздух счастья, воздух его родины.

Он извездил всю Армению. Передвигая группа армянских художников побывала на всех новостройках республик, в десятках колхозов. К их услугам передвижные мастерские, оборудованные на автомашинах. У них нет заботы о хлебе насущном — только о творчестве. Аганес был в Гори, в Москве, Ленинграде. Он увидел в подлинниках творения гениальных мастеров кисти. Его работы дважды экспонировались в лучших художественных музеях мира — Третьяковской галерее. Ещё там, за рубежами Советского Союза, он знал, что подлинное счастье художника в свободном творчестве. Но только на земле социализма он обрёл эту свободу, это счастье.

...Актриса Гоар Гаспарян также была убеждена, что счастье для неё невозможно. Но удача... Она пришла к Гоар ещё в Египте. Ещё в колледже педагоги обратили внимание на её голос. В Египте из фашистской Италии бежали многие выдающиеся музыканты. Счастливый случай помог ей стать ученицей известного профессора. Молодой певнице трудно, почти невозможно без взятки получить доступ на сцену. Но она помог случай. Гоар спела по радио, и её услышал популярный итальянский диверсёр, гастролирующий в ту пору в Египте. Он предложил Гаспарян выступить на одном из его концертов. Так пришла удача, признание, успех, слава. Что нужно ещё актрисе? Её приглашали петь в Неаполе, лондонская кинокомпания предлагала ей приехать в Англию сниматься в «Гравитате» в главной роли.

Но она отказалась от всего этого. Она знала, как замечисто счастье в том мире, где правят деньги, в мире, где нужно потрфлять вкусам пресыщенного буржуа. Сегодня она в моде — аристка из Каира. Это звучит ново и экзотично. А завтра на её место возьмёт эскимосу из Аляски, негритянку из Судана. Чего она добьётся? Опять ждть слепого случая? Нет, она знала: подлинное счастье актёра — получить благодать народа.

Ей выпало это счастье. Она получила возможность переехать в Советский Союз. Она поёт теперь на оперной сцене на родном языке, для родного народа, для требовательного и благодарного зрителя. Поёт в «Лявкс», в «Алну» армянского композитора Тиграняна, поёт в новой армянской опере Степаняна «Герония».

Недавно ей присвоили звание заслуженной артистки республики. Её слушала Барова и сказала, что у Гаспарян блестящее будущее.

Блестящее будущее! У неё блестящее настоящее! Творческая свобода, созание связи с народом — это и есть счастье.

...У молодых людей, которые несколько лет назад приехали в Советский Союз, меняются представления о труде, о профессиях, меняется творческая манера, меняются представления о смысле жизни, о предназначении человека.

— Человек создан для счастья! — говорят они.

И. АГРАНОВСКИЙ, О. МОИСЕЕВ

г. Ереван.

Кульф ЛОМИА

К молодой учительнице

Ты прими привет сердечный мой
И поклон от молодых и старых.
Я горжусь тобою, как сестрой,
Девушка абхазская Ламара.

И когда ты в школьный двор вошла,
Так как будто солнца больше стало,
Стало больше света и тепла,
Девушка абхазская Ламара.

Времени и сил ты не жалея:
Труд такой не пропадет даром, —
Служишь ты большой семье своей,
Девушка абхазская Ламара.

Как поют о мире поэту
Жители всего земного шара!
Обучай спокойно детвору,
Девушка абхазская Ламара.

Перевёл с абхазского
Ю. ОСТРОВСКИЙ

Юлия ДРУНИНА

Американской матери

Бредут нахмуренные почтаюны,
Их выбегают женщины встречать.
И, может быть, сейчас над похоронной
Американская заплачет мать.

Плачь, женщина, рыдай!
Твой сын любимый
Ложит в лавской и чужой стране.
И как жести: в Нью-Йорке пахнет дымом,
Над Вашингтоном облака в огне.

Мне жаль тебя, седая мать солдата,
Не мне смеяться над бедой твоей.
Но если ты молчишь,
Ты виновата
В позорной смерти тысяч сыновей!

Софья ХАРЛАМОВА

Жанна

Я не встречала парижанок,
Но вот с газетного листа
В глаза мне посмострела Жанна
И улыбнулась неспроста.

На кофе скромные обокри,
Открытый взгляд весёлых глаз...
Таких девач в цехах «Трёхгорки»
В Москве встречала я не раз.

К труду привычные ладоны,
Густых волос тяжёлый жгут.
Такие голову не склоняют,
Войне начаться не дадут.

ТКАНЕВОЕ ЛЕЧЕНИЕ

После приёма больных Владимир Петрович Филатов приглашал своих сотрудников к себе в кабинет. Ничего неосужденного в этом приглашении не было: учёный часто собирал их для обсуждения наблюдений, сделанных во время операции или при обследовании новых больных. Беседы эти, вообще весьма оживлённые, нередко превращались в своего рода размышления учёного вслух.

Так же примерно любил разрешать свои затруднения и Павлов. Великий физиолог охотно излагал свои сомнения широкому кругу сотрудников. Подзадумывая то одних, то других, он в столкновениях мнений, в споре противников старался обнаружить истину. У Филатова это происходило иначе: он вёл оба лагеря в себя, и спор их доходил до него одного. Давая перевес то одной, то другой стороне, учёный обращал окружающих в невольных свидетелей этого единоборства.

Сотрудники догадывались, зачем учёный собрал их на этот раз. От них не ускользнула его особый интерес к одному из больных на приёме. У молодого человека помутнела пересажённая недавно роговица — явление не очень редкое в клинике. Надо полагать, что именно этой теме будет посвящена беседа.

— Мы часто наблюдаем, — с несколько торжественной медлительностью заговорил Владимир Петрович, — что пересажённая роговица спустя некоторое время мутнеет и зрение больного ухудшается. В таких случаях остаётся повторить операцию без гарантии, что новая роговица также не покрётся бельмом. Обследуя сегодня одного из больных, я отчётливо увидел решение. Подчёркиваю: увидел. Оно стало предо мной в образе культуры тканей, какую выращивают в наших лабораториях. Вы знаете, конечно, что изолированные ткани, культивируемые в искусственной среде, иногда вдруг перестают расти. Это случается с ними независимо от ухода и питания. Достаточно, однако, подсадить к ним культуру таких же тканей, и рост клеток возобновится. Не попробовать ли нам подсадить вблизи помутневшей роговицы кусочек здоровой роговицы? Если наши расчёты верны, подсаженная ткань поднимет жизнедеятельность угнетённой прозрачности роговицы.

Не дожидаясь возражений, Филатов продолжал: — Мы срежем верхние слои бельма рядом с помутневшей роговицей и примыкнем кусочек свежего материала...

Давно было замечено, что после операции роговицы бельмо вокруг пересаженого кружочка вдруг просветляется. Слово от него исходит чуждое влиянию на окружающую ткань. Иногда это воздействие бывает так велико, что роговица целиком становится прозрачной. Этот замечательный факт серьёзно подкреплял идею учёного.

Такое было начало тех удивительных дел, которые впоследствии поразили клиницистов. И поверхностная подсадка и живая пересадка кусочка роговицы рядом с помутневшей роговицей возмещали ей былую прозрачность. Особенно быстро шло просветление, когда подсаженная роговиная ткань была выдержана известное время на холоде. В этом случае материал не только скорей приживал, но и верней сохранял прозрачность.

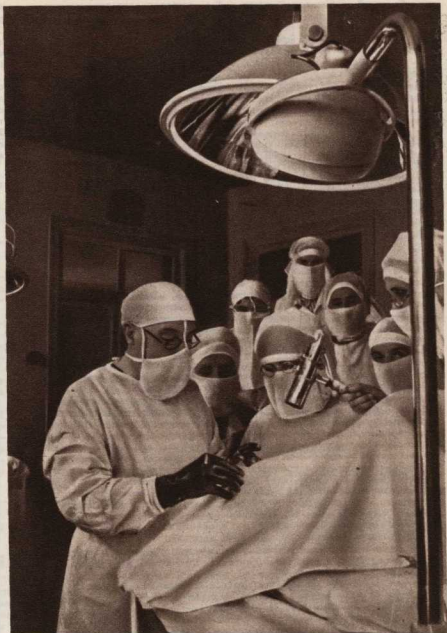
Всего более поразительно то обстоятельство, что холод, обычно действующий угнетающе на нормальный организм, в этих случаях становился целебным. Опыт тысячелетий, казалось бы, свидетельствовал о другом: охлаждение человеческого тела всегда снижает его сопротивление и ведёт к многочисленным заболеваниям.

Филатов не разбирался ещё в соотношении тех сил, которые он вызвал в жизни. В роговице, выдерживаемой на холоде, полагал он, идёт процесс, идёт размножение клеток и газообмен. Пока не угасли эти процессы, свойства, приобретённые роговой оболочкой на холоде, целебны.

Процессы, текущие в изолированных тканях и органах, способность их жить и развиваться вне организма были давно известны. Знаменитый русский фармаколог Илья Ильич Мечников сохранял в ампутированном пальце чувствительность к лекарственным средствам. Другой исследователь выдерживал кусок спонгиозной железы кролика на холоде и сохранял его живым в продолжение месяца. Учёные довели до совершенства искусство поддержания жизни в вырезанных органах и тканях. Сердце зародыша, заключённое в известную среду, годками пульсировало и обставляло клетками.

Для дальнейших исследований Филатову нужна была гипотеза, и он создал её.

Под действием холода, рассудил учёный, в роговиной ткани, вероятно, возникают вещества, влияющие благотворно на болезненный про-

Академик В. П. Филатов производит операцию пересадки роговицы.

Фото А. Фатеева

цесс. Так как роговица не рассасывается, а принимает, в организм, очевидно, поступает лишь ничтожная доля этой роговицы, которая несёт в себе эти вещества. Однако действующее начало их должно быть исключительно активным, если, разбавленное в массе кровью организма, оно сохраняет присущие ему свойства. Похоже на то, что одним своим повальным прижатием роговица порождает поток спасительных средств.

Итак, подсадка кусочка роговицы действует благотворно на бельмо, останавливает гибель роговой оболочки и просветляет её. В руках клинициста — новое средство возвращать к жизни отжившую ткань.

— Но откуда,— спрашивает себя учёный,— такое мощное влияние?

Филатов позже объяснил это следующим образом:

— Роговица, как и всякая ткань, отделённая от тела и сохраняемая на холоде, не умирает. Она живёт приглушённой, замедленной в результате голода и холода жизнью. Борьба за своё существование, ткань эта вырабатывает в себе высокосоветные вещества, которые поддерживают и возбуждают её биологические процессы. Это последний резерв угасающей жизни. Проникая из роговицы в кровь человека, вещества эти поднимают в организме силы сопротивления и обрывают течение болезни...

Бельмо возникает как результат воспаления роговицы, подпитывая Филатов созрелую мысль, кусочек роговицы успешно гасит воспалительный процесс и ослабляет его пагубные последствия. Нельзя ли использовать оздоравливающее действие подсадки для лечения других заболеваний глаз? Не будет неожиданностью, если эта методика окажется целебной для самых разнообразных болезней.

Откладывая то, что им задумано, Филатов не любит. Он решает проверить гипотезу и устанавливает свой выбор на шестидневной бельмой. Воспаление роговой оболочки протекало у девушки исключительно остро и причиняло ей нестерпимую боль. Налетные кровью глаза непрестанно слезлились, и больная не могла их раскрыть. Три месяца больная тяжело страдала.

Предстоящая операция вызвала в клинике большой интерес. Беседы в кабинете учёного протекали, как никогда, оживлённо и страстно.

— Не подсадить ли в данном случае,— посоветовал кто-то,— вместо рупной роговицы свежую?

— Сегодня? — удивился Филатов. — Вы опасаетесь, что трупная окажет влияние на действие, чем язва на живот?

— То, что коромы при пересадке роговицы, может быть скорее при операции подсадки. Во всяком случае, для начала, — отвечает тот, — я воспользуюсь бы более проверенным средством.

— Для начала я воспользуюсь средством более эффективным, — отвечает учёный.

На операционном столе Филатов проводит свою новую идею. Он вырезает у большой кусочек асповальной роговицы и аспован на это место трупную, консервированную на холоде. На следующий день девушка без труда открывает глаза, на третий — самостоятельно находит дорогу из палаты в паравозную. Страдания отступили перед стремительно наступающим выздоровлением. Ничтожная доля вещества, поступившая на роговицу в организм, вызвала большую.

Последующие операции приносят экспериментатору полное удовлетворение. В короткие сроки убывало течение самых различных страданий. Пересадка, проводимая на одном из асповальных глаз, устранила нередко восприятие на другом. Результаты были разными. То, что некогда служило средством исправить роговицу, заместило больно на зренье, стало методом лечения обширного числа заболеваний.

Но если теория эта верна, то не только роговица, но и всякая другая ткань, доведённая голодом и холодом до тяжёлого состояния, должна также действовать благотворно на заболевания.

Учёный продолжает под выно уше на роговицу оболочку, а кусочек консервированного хряща или слизистой ткани, мышцы или вентили, выдержанных на холоде, и добивается исчислительных результатов. Голодающая ткань, поставленная в условия лишения, оказалась целительной самых различных заболеваний глаз: язвы роговицы, туберкулёзного кератита, атрофии зрительного нерва, трахомы... Большой, которому глотная язва роговой оболочки пролежала слепотой, выдержанная спустя две недели после того, как ему подшили ткань, выдержанную на холоде. Так бурно было влияние этого воздействия, что помутнённая роговица второго глаза прояснилась сама собой.

Исследователи задумывают испытать свой новый метод лечения на общи заболеваниях человека. Средство, способное мобилизовать организмы на самозлечение, должно одинаково проявлять себя как при страданиях глаза, так и при болезнях внутренних органов.

Вот некоторые факты из экспериментов учёных, проводимых в клиниках хирурга, нефролога, терапевта, венеролога и эндокринолога.

Болезнь несколько лет лечалась от туберкулёза кожи. Очаги распада на щеках и на носу, язвы в углах нижней челюсти, давние рубцы уродовали обане молодой женщины. Четыре года лечения ничего не изменили в её состоянии. Филатов удалил одну из язв и заместил дефект кусочком кожи, выдержанной шесть суток на холоде. Два дня спустя в состоянии больной наступил перелом, язвы стали затягиваться, и через месяц молодая женщина была здорова.

Грозная язва желудка в течение четырнадцати дней после того, какazole гумы была произведена подсадка. Достаточно было приложить консервированную ткань на язву, чтобы избежать человека от язвы желудка. Маленькие лоскутки ткани, выдержанные при низкой температуре и прижжённые затем в стороне от страдающего органа, приводили к прекращению тяжёлой хронической болезни. Проходили язвы двенадцатиперстной кишки, кожный рак, рубцы, возникшие в результате перенесённых травм и ожогов. Исчезали фурункулы, невриты и радикулиты, бронхитальные астмы и другие заболевания.

Там, где хирурги были бессильны, новый метод лечения творил чудеса. Осколом снаряда бойцу раздробило локтевой сустав. Тяжёлое нагноение причинило раненому жестокую боль. На руке и на бедре возникли вдруг язвы, не поддающиеся лечебному воздействию. Учёный приложил около язвы кончик кончик кусочка ткани, и уже для спустя начинается улучшение, а через три недели язва совершенно ликвидируется.

Другой больной получал очко головы. Язвы на лице и на голове недрозило, гноились и не заживали около недели. Больному на ухо подсадили кусочек ткани, и вскоре началось излечение.

Учёный многое увидел и доказал. Он открыл новые источники оздоравливания в сокровенных глубинах тканейной клетке: измориел его силу и мощь, целебное влияние на большие организмы. Он разведал, установил, но не успел.

«Если активизация, стимулирующая жизнь в голодающей ткани, — подумал Филатов, — возникает в результате зауряднейших условий существования клеток животного организма, то нечто подобное с этим должно быть присуще клеткам растений. Подвергнутый таким испытаниям растительный организм, вероятно, также выделяет целебные продукты самозлечения».

Филатов оставляет растение алоэ в помещении, лишённом света, с температурой воздуха в три градуса выше нуля. Зелёные листья, лишённые солнца, не имеют возможности образовывать крахмал на углеводороды и питать, таким образом, растение. Наступает голодание, близится гибель растительного организма. В этот критический момент учёный извонил сок из растения и вводит его кролику, у которого сокосблили верхней слюной роговицы глаза. Как и следовало ожидать, изжжённый глаз, как и выдержанная на холоде животная ткань. Введённый в организм больного человека сок действовал одинаково излечивающе.

«Если улучшение условий жизни тканей или организма целиком, — пришла и окончательное заключение Филатов, — если интенсивность его не превысила известной границы, вызывает аспован в его химических процессах, благодаря которым появляются новые регуляторы жизненных отравлений... Я предполагаю, например, что кризис при смерти, воспринятый активными веществами, поднимает сопротивление в умирающих тканях. Большой выдерживает потому, что начи-

нает умирать. Надо искать стимуляторы живой материи везде, где смерть близка, но ещё не наступила».

«Я полагаю, — смело продолжает свои выводы учёный-мыслитель, — что в какой-то мере глубинное значение грезной зависит от тех веществ, сопротивления, которые организмы, принимавшие участие в образовании грез, накапливали в себе перед своей гибелью».

Удивительные работы академика Филатова не стоят в стороне от общи идей советской медицины. Способ лечения больного организма путём воздействия на его защитные силы давно занимает советских учёных. В последние десятилетия в России ряд замечательных исследований, широко применяемых в клинике. Профессор С. Николаевич Тушов, впрямую большим раскрепощённый блок, во многих случаях приносил излечение. Благотворных результатов добился хирург Александр Васильевич Вишневский. Вводя в капсулу полноты ростор ново-

Эти советские люди вновь обрели зрение после сложной операции глаз, проведённой в Одесском институте имени Филатова.

Фото А. Шексия

являя, лишённый сам по себе лечебных свойств, он изменил течение самых различных заболеваний. Академик Александр Александрович Богомолов сыроворотки, получившей Героя Социалистического, которому предвременно ввели под кожу препараты человеческие ткани, устранил страдания, казавшиеся неустрашимыми...

Терял раздражения назвали эту новую область лечения, к которой следует отнести и тканевую терапию Филатова.

Многие годы. Давно прошло то время, когда тканевая терапия была достоянием одной лишь лаборатории Героя Социалистического Труда В. П. Филатова. Новое средство лечения различных болезней распространялось повсюду, бесприморно быстро проникло в лечебные учреждения страны. Специалисты различных отделов медицины обратили свои взоры к консервированной ткани для решения своих разнообразных задач. Ростовский врач Г. Гумишев сделал свыше трёх тысяч подсадов клеткам больным и обогатил медицину весьма интересными наблюдениями.

Во аспов выдержанная на холоде ткань, полагает он, одинаково воздействует на течение болезни. Так, например, один ткани быстро излечивает красную волчанку и облегчает страдания сердечно-сосудистой системы и кожи. Иное применение находит себе, например, ткани селезенки. Ткани её оказывают благотворное действие на бронхитную астму, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки, на течениями шмаша, лимфатизм и радикулиты. Был слух излечения диабета. В одном только городе Ростове тканевую терапию по методу Гумишева применяют в шести городских больницах и пятнадцати поликлиниках.

Совсем недавно концы работы приходят сообщения о новых и новых способах подсадки, разработанных медиками. Чудесное открытие Владимира Петровича Филатова нашло благодарную почву в среде советских учёных и врачей, и не видно предела его дальнейшему развитию и обогащению.

СТУДЕНТЫ ИЗ ОДНОГО АУЛА

В далайской ветреной Кустанайской степи от необъяснимой болезни погибло стадо. С ужасом думаа Даут Жакупов, как встретит чабанов Мураза-бай, хозина. Изнурённые, без сна и отдыха, чабаны понуро шли домой. Тяжела и дорога было это путь. Только через неделю Даут Жакупов с двумя товарищами добрался до аула.

— Ты что-то говорила о свободе, Даут,— сказала Мураза-бай, выслушав старого чабана.—Теперь ты можешь идти, куда вздумается, как только рассветается со мной.

— Но у меня нет ни одного барана, и дети мои пухнут от голода.

— У тебя есть руки,—возразил Мураза-бай.—Всё своё несёшь всю жизнь до революции Даут Жакупов провёл в кочевьях с байскими стадами. Но даже в самые тяжёлые дни не угасала в его груди вера в счастье, которое придёт когда-нибудь на родную казахскую землю.

— Не чакающая казан в сторону двери,—говорила он жене,—продвишь счастье.

Но счастье обходило стороной запатанную юрту кочевника-бебика, хотя все приметы, которые должны были принести счастье, аккуратно выполнялись в семье Жакупова.

Об этом иногда рассказывает внук Даута Жакупова—студент Алама-Атынского сельскохозяйственного института Сатыбалды Даутов.

Как переменялась жизнь в ауле, как переменялись люди! Раньше не было в ауле ни одного грамотного казаха. Сейчас Агальтия Жусупова, Есим Мухометжанов и Вялзят Аймаудин—студенты Карагачинского учительского института, Шаукер Бодаков учится в Кустанайе, воспитанники аулашной школы Искаметова, Касыпбекова и Уалаева—зачислены Медингаринского педагогического. Двенадцать юношей и девушек из аула Жанажао, Кустанайской области, учатся в высших учебных заведениях Алама-Аты.

Тема реферата «Ранние произведения Сабита Муканова» сначала показывалась Суньят Бакевову очень лёгкой. Но по мере работы улавляла его, заставляла думать и о своей собственной жизни и о жизни всего казахского народа. Особое впечатление студент-филолог улавлял исследуя дружбу между казахским и русским народами. Суньят усердно изучал труды И. В. Сталина. Необъяснимое волнение охватывало его каждый раз, когда он брал в руки «Воскресший из пепла» сочинений вождя. Суньят было радостно оттого, что каждый день он узнавал новое, то, чего не знал раньше. Изучение произведений И. В. Сталина обогатило его: он это чувствовал в своей работе. Она успешно подвигалась вперёд. И вот работа закончена. Суньят пробежал глазами последнюю страничку и, откинувшись на спинку стула, задумался.

Что скажут товарищи, как отнесутся к его труду?

Он поспешил в общежитие, к друзьям. В комнате было шумно, но когда Аркадий Бекин своим густым басом объявил, что будет читаться реферат Суньята, студенты притихли.

Аркадий начал чтение. Суньят, сидевший рядом, изредка подкашивал Бекину слова, которые тот не мог разобрать. Суньят вошёл в реферат все свою душу, и ему казалось, что работа его безупречна.

И вдруг он услышал резкие критические слова.

— Ты принципиально неправильно рассматриваешь поэму «Суау паш»,—Евгений Махматов говорил быстро и с жаром.—Конечно, я не автор, но ты слишком идеализируешь это произведение. Ты много говоришь о его достоинствах, но ни слова не сказал о недостатках.—И Махматов стал подробно анализировать реферат.

Суньят прислушивался к словам Махматова и боялся сам себе признаться в том, что тот был прав.

— Думаю, у тебя, Суньят, хватит воли в корне переработать главу о поэме.

«Переработать главу»,—мысленно повторил Суньят. Было чуть-чуть обидно, что он не смог правильно написать главу, но

за этой обидой вставало большое чувство радости за настоящего товарищеское отношение к нему друзей.

«Только эта студенческая дружба рождает справедливые, хотя иногда и резкие, суждения о работах товарищей, только эта требовательная дружба помогает совершенствованию»,—думал Суньят.

— В аудитории тишина. Сауная лекция профессора Мухтара Аузова. Суньят вспоминал дни своей работы над рефератом. Глаза на товарищей, он видел, что каждый из них испытывает то же, что испытал он сам, когда писал реферат. Все они—его друзья и товарищи—были очень близки Суньяту: все они были людьми, поставившими себе задачу стать сильнее и лучше, чтобы как можно больше сделать для Родины.

Неизвестно, кому первому пришла мысль написать коллективное письмо своим землякам, но эта затея поправилась всем.

В небольшой комнатке общежития Сельскохозяйственного института тесно. Сатыбалды Даутов рассаживает гостей. Здесь и ученица педагогического училища Куальбайра Таукирзина, и студент-геолог Комшар Бызарбаев, и будущий инженер-механик Исхандер Касаев. За столом, наклонившись над чистым листком бумаги, сидит Майра Ыркижанова. Девушки тихо разговаривают о своём ауле, вспоминают школьных товарищей. Сатыбалды тоже было задумался, но, спохватившись, резко встал и сказал, стараясь быть официальным:

— Идем, к делу. У кого есть какие предложения?

Несколько минут все молчали.

— Недавно у нас в институте была читательская конференция,—сказала Майра,—об этом нужно обязательно написать.

— Удивила читательской конференцией,—возразил Евгений Махматов.—Завсегдатай клубов аула, читательский клуб месяц в аульном клубе устраивал.

— Может, о катает?—робко предложила Аманжол Габдуллин.

— Если писать о спорте, то уж о том, что Суньят—человек универсальный, то боюсь, как ни говори—второй разряд!

— Нет, ребята,—перебила Куальбайра,—написать бы о том, как мы, земляки, собрались здесь, вот в этой комнате, и что мы очень рады, и очень рады... Девушки замолчали, потом восторженно добавили:—Вы знаете, я так мечтаю стать студенткой!..

— Аркан ценится далайкой, слово—краткостью,—сказала после некоторого молчания Сатыбалды.—Учёба—наше счастье.

Долго не утихал голоса в небольшой комнатке студенческого общежития. Письмо получалось небольшое. Вверху ровным, каллиграфическим почерком были выделены слова: «Здравствуйте, дорогие земляки!» Далее рассказывалось о том, как живут студенты из аула Жанажао в Алама-Ате. В письме говорилось, что Евгений Махматов помогает по высшей математике Сатыбалды Даутову и что хотя земные заботы были очень серьёзные, все они добились хороших успехов. В конце была сделана приписка: «Суньят написал сочинение по литературе, за которое ему поставили «отлично».

—Широкая дорога лежит перед юношами и девушками из далёкого аула Жанажао. Через несколько лет в родной аул возвратятся его питомцы, ставшие учителями, инженерами, врачами.

Суньят Бакевов мечтает заняться научной работой. Уже сейчас он готовит себя к этой ответственной и увлекательной деятельности. Мечта Сатыбалды Даутова—вырастить в Кустанайской степях зелёноплодные леса. Через два года он, окончив институт, с прочными знаниями и дипломом инженера-гидромелиоратора придет в Жанажао. Он думает о том, как из бедной долины среди солончаков глубокой водонапорной системы брызнет могучий фонтан. Пресная чистая вода эта смоем со степи солевые выцветы и даст жизнь небольшим, но крепким саженам оливок и дуба, которые расти при коммунизме.

г. Алама-Аты.

Зияш КАЛАУБА

Мы—люди мира

Люблю прислушаться к рассказам стариков
О подвигах сынов на бранном поле,
О том, как мы пришли пугать боевников
Из вековой тьмы к счастливой, светлой доле;

Люблю весёлый дух созревшего зерна,
Когда его везут на сыпучих караванах,
Люблю протяжный зов смелых чабанов,
Ведущего стада на выпас за курганы;

Люблю могучий пульс, ритмичный гуд труда
И доменных печей негаснущие пламя,—
К ним шлопаном подвозится руда,
Добытая из недр горы железной мами.

А доменный чутун мы переплавим в сталь
И превратим её не в бомбы и снаряды,
А в новые станины, чтоб труд прекрасней стал,
В комбайны и мосты, скульптуры и ограды.

И там, где старый Днепр, шума, стремится в даль,
Там, где Аму-Дарья и Волга кляты дождь,
Бетон плотин скрипит на славу нашу сталь,
Поможет обуздать упрямый нрав природы.

Мы строим Коммунизм, счастливый новый мир,
Мы все по-совоуму работой знамениты—
Учёный и пахот, прораб и бригадир,—
Стремления всех людей в одно стремление сплиты!

Перевёл с казахского

Павел ШУБИН

ОНА И Я

Комсомолке Лене Смолиной

Когда она в кругу друзей всёбых заодно паёв пионерский марш, крестилась трижды у двери школы и тихо бормотала «Отче наш».

Когда о Ленине ей говорил учитель и незаметно пролетал урок, твердили нам: «Терпите, не ропщите и помните, что царь — земной наш бог».

Когда мы гнали «бранников»¹ из школы, когда мы камин им бросали вслеп, она впервые гордо приколотала значок свой комсомольский на жакет.

Когда она в читальный зал входила спокойно, просто, как в родной свой дом,

товарищам и тайно приносилла Максима Горького любимым том. Когда пришла военная невзгода, она, солдата проводила в поход, окончив смену, не ушла с завода. Я в этот день не вышла на завод.

Сейчас силеялись в пожатые наши руки. И нашей светлой дружбы нет верней. Мне Лена говорит: «Моя подруга». «Моя другарко», — говорю я ей.

Мы с ней поём одни и те же песни, одни мечты теперь волнуем нас, как будто я росла на Красной Пресне, а в Крестном селе² Лена родилась.

Перевела с болгарского
Юлия ДРУНИНА

¹ Болгарская фашистская организация.

² Район Софии.

Михаил САДОВЯНУ,
лауреат Золотой медали мира*

НЕМОЙ

Рассказ

Случай, который я намерен предложить вашему вниманию, мой читель, произошёл в те времена, когда кинематография ещё не коснулась высоты современной техники и кино величали «великим немом». Здесь пойдёт речь о двух немых — о немом кино и глухомом парне.

В румынском городе Яссы, на одной из тихих его улиц, стоял деревянный дом, под крышей которого проживала двенадцать семейств. К дому примыкала обширная, довольно грязный двор, слышавший аресты для женских собраний и скамьёв, для игр детей и даже для вышвок мужчин. В общем это был неспокойный двор.

По соседству со мной проживала семья Матусар: дородная, вечно стонущая женщина, три её дочери-девушки и сын. Этот единственный мужчина в семье был от рождения глухонемым и, естественно, самым тайшишим человеком в нашем доме. Вот об этом глухонемом парне и будет здесь рассказано.

Мне неоднократно приходилось наблюдать, как молодой Матусар подробно объяснялся с матерью и сестрами, что-то излагал и в чём-то убеждал их. Всё это он делал с красноречивой мимикой и жестами, его губы шептали, а глаза выражали то восторг, то досаду или безграничную тоску. Это был, смеюсь сказать, яркий индивидуум и, вероятно, самый интересный собеседник в нашем многолюдном дворе.

Немой Матусар, невзирая на свой природный недостаток, был достаточно культурным человеком. Ещё будучи юношей, он получил образование в столичной школе для глухонемых. Он любил книги и зачитывался ими до поздней ночи. Профессия его была несколько неустойчива: он содержал небольшой цветочный магазин, хорошо разбирался в орхидеях и астрах, гладкошубах и шариках. Он классифицировал запахи и оттенки, советовал их с цветом глаза своих покупателей, умело рекомендовал букеты к свадьбам, именинам и похоронам. Это был художник своего ремесла.

В его характере была любопытная черта: он любил театр и презирал кино. Казалось бы, что может почерпнуть глухонемой из театрального представления? Однако цветочник Матусар с какой-то упорной жадностью смотрел пьесы, изображавшие любовь и гнев, правду и ложь. Он так хорошо воспринимал драматические спектакли, что, возвращаясь домой, окружал себя сестрами и соседями и, наяривая всю силу своей мимики и жестикуляции, рассказывал содержание пьесы. У него была и другая особенность: он был склонен к изобретательству. Он помышлял о театре для глухонемых. Его слушали с усмешкой и сочувствием, но сам он твердо верил в то, что там, в Бухаресте, узнают о его проекте и когда-нибудь учредят такой театр мимики и жестов.

Но кинематограф, как я уже упоминал, мой сосед не признавал. По-настоящему, никто из нас не разделял точку зрения темпераментного Матусара и прошёл ему эту странность.

*Как-то раз наш горд возбуждённо заговорил о новом американском фильме «Любовь и голод». Этот суровый продукт Голливуда настолько потряс ума и сердца горожан, что фильм демонстрировался непрерывно круглые сутки. Незыскательные парни и девушки смотрели фильм чуть ли не по десять раз. И центром всех разговоров местной аристократии были персонажи из этой картины. Любовь и голод, как известно, всегда возбуждали умы людей.

И наш Матусар, движимый любопытством и советами сестёр, отпра-

вился в кино... В полночь я услышал неистовый шум в соседней квартире. Что это? Кричал, визжал и топал ногами мой глухонемой сосед, тот самый цветочник Матусар, который служил примером сдержанности и кротости для всей нашей улицы. Затем я услышал стук в мою стенку: он звал меня к себе.

Через минуту я увидел возбуждённого, лихорадочно шагающего по комнате Матусара. Он был без пиджака, волосы его были взъерошены, а глаза излучали ярость. Что же всё-таки произошло?

Как только он увидел меня, руки его судорожно протянулись ко мне, он умолял выслушать и понять его. Я усадил его на стул и попытался успокоить. Возмущение и гнев бурлили в нём так сильно, что во времена из его уст вырывались настоящие человеческие слова. Казалось, вот-вот его голос прорвётся и он заговорит полновесным и чётким языком.

Вскоре я понял глухонемого. Его возмутило увиденное им только что на экране. Он увидел там обожжённых женщин, пьяных мужчин, убийства, грабежи, изображаемые как героизм, и ещё много отвратительного, чем так щедро насыщает Голливуд свои дикие фильмы.

Его губы, глаза и пальцы говорили примерно следующее:

— Почему не сажают в тюрьму тех, кто осмеливаются так открыто проповедовать блатизм и разврат? Я сейчас увидал фильм, который может послужить отличным руководством для начинающих головорезов и проституток! Нет, это непереносимо! Я поеду в их Америку, доберусь до Голливуда и своими руками положу эту фабрику подпольи!

Прошла ночь, наступило утро, и в квартире Матусара воцарилась тишина. Поутру в городе разнёсся слух, что глухонемой Матусар заговорил. Безмолвный цветочник, дескать, обрёл голос. Многие уверяли, что своими ушами слышали длинные и умные tirades Матусара. Женщины утверждали, что причиной столь чудесного исцеления явился фильм «Любовь и голод». Вот что способно сотворить кинематограф! Но многие так и не узнали истины: были ли эмоции Матусара вызваны восторгом или гневом?

С той поры горожане парни и девушки, заходя в цветочную лавку Матусара, обращались к нему не жестами, а словами. Но Матусар молчал и непонимающе смотрел в глаза говоривших. Покупатели были уверены, что продавец цветов владеет языком, но почему-то продолжает притворяться немым и глухим.

Перевела с румынского
А. ВЕРБИЦКИЙ и Л. КАМЕНСКАЯ

* М. Садовяну — современный румынский беллетрист, автор повести «Митри Коноур», удостоенной в 1960 году Золотой медали мира. Публикуемый рассказ написан в 1946 году.

М. ПАВЛОВ

ВСТРЕЧА С ЛЮБОЙ КЛЫКОВОЙ

Фото А. Узялина

Косте Гуляеву советовали: — Сходи на первую фабрику механизированного счёта к Любе Клыковой, потакуй с ней. А отказываться от работы физкультурного организатора цеха незачем. Это ведь увлекательное дело, если, конечно, с душой им заниматься. До фабрики по морозу Костя добрался через пятнадцать минут. Поднимаясь по лестнице, он услышал пение. Хор дружно и чисто выводил мелодию популярной песни.

— Ни одного мужского голоса,— заметил Костя,— одна девушка. Здесь, наверное, как и у нас в артиле, девичье царство...

Костя не ошибся. В вычислительном цехе, куда привнеса его секретарь комитета комсомола Саша Клыкова, за всеми машинками, напоминающими изданы пишущие машинки, сидели девушки. Лишь в углу трое юношей переливали ленточные пистолеты аппаратов.

— Когда я поднимался по лестнице,— сказала Костя Клыковой,— мне послышалось хорошее пение. Кто это поёт?

— Девушки второй смены,— ответила Клыкова.— С утра они ходили на лыжах, набегались до дыра — и прямо на фабрику — попеть под рояль. А вот и Люба Клыкова, физорг цеха, знакомьтесь.

Девушка легко поднималась и крепко пожала Косте руку. Узнав, зачем он пришёл, Люба покраснела так, что пуговичный воротник её кофточки, казалось, мгновенно поблек, и не очень-то радужно заявила:

— Вот ещё выдумали!.. О чём же я буду рассказывать? Ну ладно, окончится смена, приду в комитет, там видно будет. Огорённый таким приёмом, Костя совсем растерялся.

«Ну вот,— думал он, передвигаясь на столе секретаря комитета журналы,— бери опыт. Рассказывать её ничего.»

Люба Клыкова появилась в комитете лишь через час, и не одна, а в шумном окружении подруг по цеху. Невинно сказала что-то, продемонстрировала, а скоро ослепительно засмеялась. Люба открыла шкаф и начала доставать оттуда ботинки с коньками и лыжные костюмы. Девушки брали ботинки и костюмы, расписывались в тетради, благодарили Любу и убегали.

Люба неторопливо заперла шкаф — как будто никто и не ждал её — и села за стол напротив Кости. Глядя мимо него, в верхний угол комнаты, девушка спросила:

— Ну, что же вам рассказывать? — и, переждав несколько секунд, словно набирая духу для разговора, начала так: — Когда меня избрали физкультурным организатором, в вычислительном цехе было только несколько значкистов ГТО, а сейчас их восемьдесят три, на двадцать три значкиста больше, чем требовал от нас план 1950 года. Готовили мы значкистов таким образом...

Стукнула дверь. В комнату вошёл паренёк в зелёном свитере. Поздоровавшись, он обратился к Клыковой:

— Я только на минуту. А вообще, Люба, так не годится.

— Что не годится?

— Ты как общественный инструктор по лыжам утвердилась?

— Утвердилась,— спокойно ответила Люба.

— А в какие дни лыжные вылазки запланированы? В среду и в воскресенье?

— В среду и в воскресенье,— снова подтвердила Люба.

— Завтра на воскресенье?

— Воскресенье,— согласилась Люба.

— А почему Лидя говорит, что она завтра с тобой на каток идёшь?

— Это её дело.

— Как это её дело? Ты ей коньками шаг собьёшь, она ведь по натуре лыжница...

— Ну, бери её тогда с собой.

— Так она же колеблется...

Костя стал кашлять так, как не кашлял в детстве во время самого тяжёлого приступа коклюша, но общественный инструктор по лыжам и ухом не пошёл. Он оставил в покое Любу как общественного инструктора по конькобежному спорту и стал допекать её как физорга цеха.

— Слушай, друг! — взмолился Костя, выразительно показывая на свои часы. — Тебе же нужна была одна лишь минута.

— Так и ведь по делу...

Едва Люба выдворила завязотого лыжника, твёрдо обещав ему не брать Лиду на каток, как в комнату вошли две девушки: одна — рослая, другая — худенькая, маленькая.

Заночник трудовой день, физкультурницы вычислительного цеха фабрики механизированного счёта (г. Москва) собираются на каток. Под руководством физорга и общественного инструктора Любы Клыковой они обучаются бегу на коньках.

— Мы вам не помешаем,— заявила рослая девушка Любу и Костю. — Мы сядем у окна и будем тихо решать кроссворды.

Преодолевав шёпот кроссвордemenov, Люба продолжала рассказ о деятельности физкультурного организатора цеха:

— Я растерялась, когда мне сказали, что нужно подготовить за год 60 значкистов. Кто, думала я, готовит их будет? Ведь штатного инструктора у нас нет... В комитете комсомола подсказали: «Возьмись,— сказали мне,— за актив. Будет актив — будут и значкисты». Я и взялась за это дело. Не одна, конечно, а с помощью Гали Шапкиной, комсорга нашего цеха. Она мне во всём помогает.

Как мы подбирали актив? А очень просто. Вот Махова Нина. Мы знали, что она хорошо играет в волейбол,— её волебили, затем — Володу Лоскутова. Хотя у нас ребят мало, а всё же футбольную команду нужно было создать: мы все болельщики футбола. Володя команду и создал. Затем приехали мы Нину Сабелеву, Нина чуть ли не с детства занимается лёгкой атлетикой. Кому же в нашем активе

стоять, как не ей? Так постепенно и другие подбирались.

— Кто же из них готовил значкистов? — спросил Костя.

— Общественные инструкторы, окончившие районный семинар.

— Значит, и я могу послать своих людей на семинар? — сказала Костя.

— Конечно, потребуй, чтобы их учили,— настаивала Люба Костю, забыв совсем, что ещё час тому назад она не знала, о чём и говорить.

Решив все каверзные вопросы как по вертикали, так и по горизонтали, девушки присидели молча у окна несколько минут, потом им, видимо, стало скучно, что Костя и Люба оживлённо разговаривают. Рослая девушка сказала, как бы ни к кому не обращаясь, но отчаянная каждое слово:

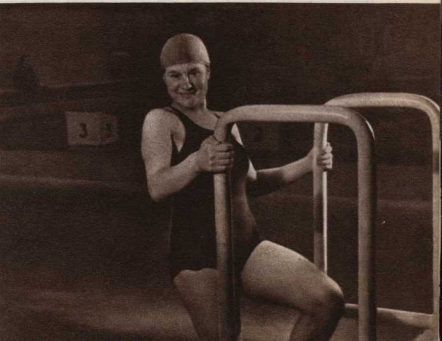
— В понедельник волейбольная команда не тренируется.

Люба мгновенно прервала беседу с Костей и, резко повернувшись к девушке, спросила:

— Это почему же?

— А так вот,— последовал подёрнутой спокойной ответ.— Нужно платить деньги за аренду зала.

Люба Клыкова выходит из бассейна после очередной тренировки по плаванию

О КНИГАХ И ЧТЕНИИ

Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишённому души.

Цицерон.

Где есть поветрие на чтение,
В чести там грамота, перо;
Где грамота, там просвещение,
Где просвещение, там добро!

П. А. Вяземский.

Действие человека извечно и одно... действие
книги множественно и повсеместно.

А. С. Пушкин.

Чтение — вот лучшее учение.

А. С. Пушкин.

Наука книги ещё не полна без науки жизни.

В. Г. Белинский.

Книга есть жизнь-нашего времени! В ней все нуж-
даются — и старые, и молодые, и деловые, и ничего
не делающие, дети — так же как и взрослые.

В. Г. Белинский.

Мы думаем, что если позволительно смеяться над
пустыми людьми, то, вероятно, позволительно смеять-
ся и над пустыми книгами...

Н. Г. Чернышевский.

Вся жизнь человечества последовательно оседала
в книге: племена, люди, государства исчезали, а кни-
га оставалась. Она росла вместе с человечеством, в
нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы,
и все страсти, потрясавшие сердца...

А. Н. Герцен.

Я люблю книги: каждая из них кажется мне чудом,
а писатель — магом. Я не могу говорить о книгах ин-
аче, как с волнением, с радостным энтузиазмом...

М. Горький.

Книга, быть может, наиболее сложное и великое
чудо из всех чудес, сотворённых человечеством на
пути к его счастью и могуществу будущего.

М. Горький.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

Образ советской женщины

В 1929 году была выпущена стан-
дартная серия марок, в которой
две марки были посвящены рабо-
нице и две — крестьянке. Это пер-
вые марки нашей страны, на ко-
торых помещено изображение тру-
дящей женщины.

На марках, выпущенных в честь
Международной выставки в Париже
в 1937 году, воспроизведена извест-
ная скульптурная группа работы
В. Мухоминой — фигуры колхозницы

и рабочего как символ союза ра-
бочих и крестьян.

На двух марках из серии, выпу-
щенной в 1939 году в ознаменова-
ние открытия Всесоюзной сельско-
хозяйственной выставки, отображе-
но участие женщин в сельском
хозяйстве.

Несколько марок иллюстрируют
достижения советских женщин. Среди
них красноречива марка с изобра-
жением Валентины Гризодубовой,

Полны Осипенко и Марины Раско-
вой.

Советским женщинам принадле-
жит ряд международных спортив-
ных рекордов. Во всех серьезных ма-
рках посвященных советскому спор-
ту, имеются и марки о женщинах-
спортсменках.

Велика роль советской женщины
в исторической победе советского
народа над гитлеровской Германией.
На одной из марок изображено про-
щание матери с сыном, отправля-
ющимся на фронт, на другой — по-
дающая медаль ордена «За отвагу»
марок рассказывают о самоотвер-
женном труде женщин в дни войны;
в ряде марок запечатлены героиче-
ские образы Зои Космодемьянской,
Ульяны Громовой, Любови Шевцо-
вой, Марины Поливановой и Натальи
Ковшовой.

В послевоенное время советские
женщины активно участвуют в вос-
становлении и дальнейшем разви-
тии народного хозяйства страны.
В 1947 году, к Международному же-
носкому дню 8 марта, были выпущены
две марки: одна из них рассказыва-
ет о женщине-воспитательнице.

Другая изображает женщин разных
национальностей Советского Союза
на демонстрации в Москве. К 8 мар-
та 1949 года Министерство связи
Союза ССР выпустило красочную
серию почтовых марок об участии
советской женщины в строительстве
коммунизма.

Женщина — большая сила и в
общественно-политической жизни
страны. Эта тема отражена на одной
из марок, изображающей женщину
на трибуне.

Десятки тысяч колхозниц за по-
лучение высоких урожаев награжде-
ны орденами и медалями Совет-
ского Союза. 1 600 женщин удосто-
ены звания Героя Социалистическо-
го Труда. Здесь мы воспроизводим
марку с изображением колхозницы
за уборкой урожая.

Выпуском специальной марки от-
мечено и участие советских жен-
щин в выборах в Верховный Совет
СССР, состоявшемся 12 марта
1950 года. На марке изображена
женщина-избирательница, — опу-
скающая бюллетень в урну.

И. ЗВАРСКИЙ

СМЕНА

В номере:

И. Яковлев — Мария Рассадина,
верхолаз-электротрансирщик.
Лариса Федорова — Под кра-
сильным вымыслом.
Игорь Кобелев — Кремль.
Андрей Семенов — Мать героя.
О. Славкина — Избранница
народа.

«Знаком не пройду».
Е. Садовский — Защита дис-
сертации.

Ворислав Степанюк — От бе-
регов Днепра.

Раниса Порядкова — Стран-
цы из детства.

А. Рубинов — Дружба Ва-
силем.

Е. Вранин — Как создавалась
картина.

Ник. Смирнов — В старой Ки-
невше.

И. Агратовский, О. Мо-
сеев — Человек создан для
счастья...

Купец Домин — К молодой учи-
тельнице.

Юлия Друнина — Американ-
ская матери.

София Харламова — Жанна.
Александр Попович — Па-
мять нечеловека.

В. Шустиков — Студенты из
одного класса.

Зинаида Калаева — Мы — люди
мира.

Людмила Стефанова — Она
и я.

Михаил Садовяну — Немой.
М. Павлов — Встреча с Любю
Клямовой.

В. Попов — Тренерница с до-
ской.

Г. Абрамов — Дорога смелых.
Новые книги о нашей Родине.
С. Иванюк — Клуб выходного
дня.

На первой странице
описание: статуйки москов-
ской фабрики «Парисская Ко-
муна» — заповедник Комсомола
Евгения Бугаева. Фото
Ю. Чернышова.

На четвертой стра-
нице обложки репортажи пьесы
А. Корнейчука «Калиновка»
роль в драматургии Дома куль-
туры имени Чкалова (Москва).
Фото А. Удальца.

Формирование поэта В. Уриана

Формирование поэта В. Уриана

Формирование поэта В. Уриана

Редколлегия: В. Акаев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Н. Жуков,
А. Космодемьянский, Г. Кулик, М. Лукин, Н. Сморodin.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-334-24.

А-01343. Подписано к печати 21/II 1951 г. Заказ № 367. Тираж 120 000. Над № 106.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Подвижно

Усть ко-
От- вры-ва-ет-ся пред на- ми
сла- на- я по- ра: бы- ли мы у- че- ни- ка- ми,
а те- перь мы ста- ра- вы
ды- ли мы у- че- ни- ка- ми, а те-
перь мы- та- сте- ра. дм- е ма- сте- ра.
Для пюльверизатора Для пюльверизатора

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА

Слова Л. ОШАНИНА

Музыка А. ОСТРОВСКОГО

Открывается пред нами
Славная пора,
Были мы учениками,
А теперь мы мастера.

Наш любимый старый мастер
Был для нас отцом,
На прощанье и на счастье
Руку мы ему поклоним.

Он всегда хвалил за смелость
И за верный глаз,
А ругал всегда за дело,
Как положено у нас.

Нам наградой трудовое
Стала дружба с ним,
И училище родное
Мы нигде не посрамим!

Сможем мы всегда добиться
В жизни трудовой,
Чтобы друг наш мог гордиться
Нашей силой молодой.

Славно Родине послужим,
Нам пришла пора.
Ведь не даром с делом дружат
Молодые мастера!

